

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

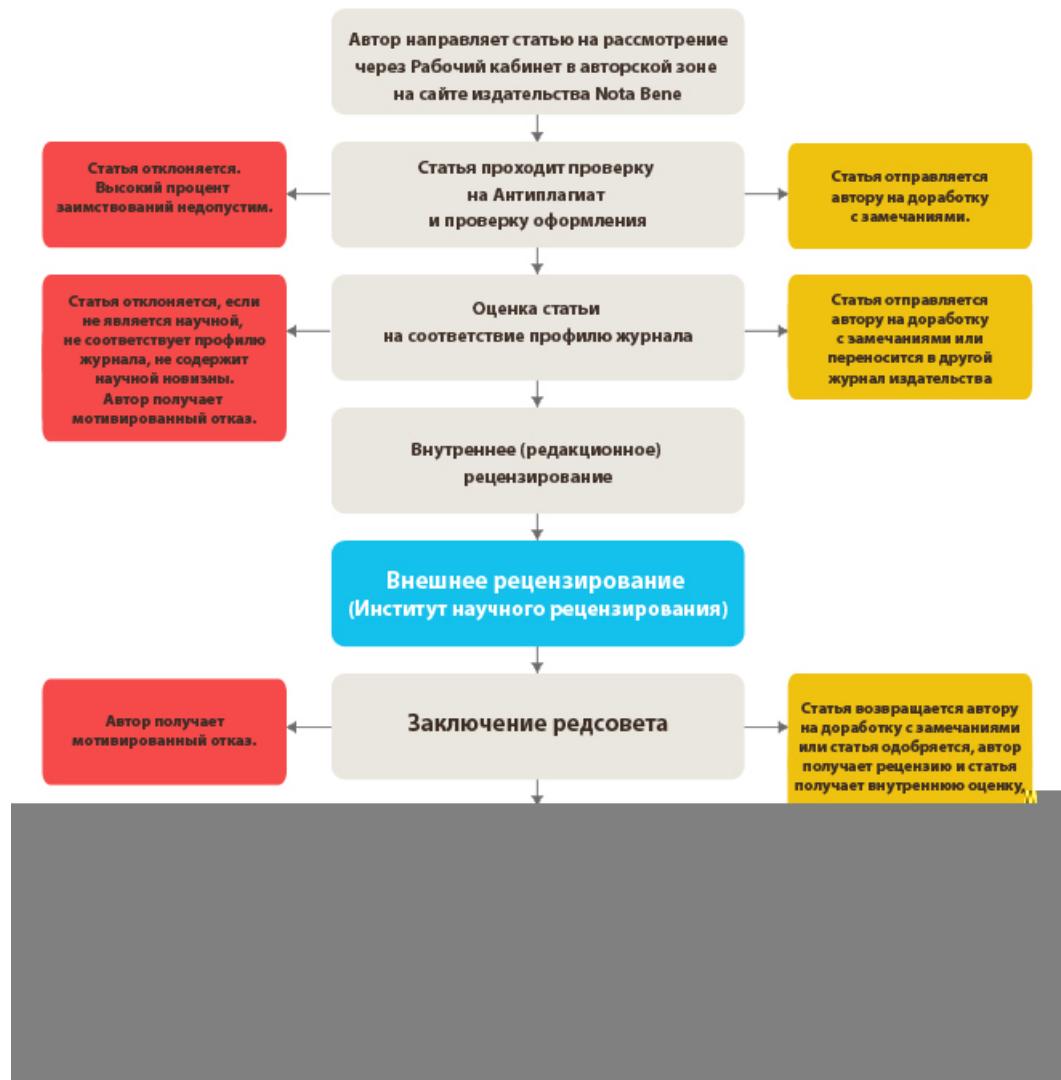
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ильясов Л.М. К вопросу о методике исследования петроглифов средневековых архитектурных сооружений Северного Кавказа	1
Ефименко Н.А. Этнический аспект ликвидации Юаньской империи	11
Шепталин А.А. Об обоснованности выделения категории «истоки права» в теории государства и права	20
Егоров Д.И. Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота	29
Чжэн В. Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект	46
Клейтман А.Л., Савка О.Г. Изучение истории обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта «История гражданской войны» в 1930-х гг.	56
Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Близняков Р.А. Паломничество как явление и особенности российской паломнической деятельности в Палестине во второй половине XIX – начале XX веков	63
Англоязычные метаданные	73

Contents

Iliasov L.M. On the issue of the methodology of the study of petroglyphs of medieval architectural structures of the North Caucasus	1
Efimenko N.A. The ethnic aspect of the Yuan Empire's liquidation	11
Sheptalin A.A. On the Validity of the Separation of the Category "Origins of Law" in the Theory of Law and State	20
Egorov D.I. General trends in the development of American historiography in line with the pragmatic turn	29
Zheng W. The role of black color in the history of Russian, French and Chinese mythology and folklore	46
Kleitman A.L., Savka O.G. The study of the history of Tsaritsyn's defense in the framework of the publishing project "The History of the Civil War" in the 1930s.	56
Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V., Bliznyakov R.A. Pilgrimage as a Phenomenon and Features of Russian Pilgrimage Activities in Palestine in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries	63
Metadata in english	73

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильясов Л.М. К вопросу о методике исследования петроглифов средневековых архитектурных сооружений Северного Кавказа // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. С. 1-10. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70588 EDN: OYIWOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70588

К вопросу о методике исследования петроглифов средневековых архитектурных сооружений Северного Кавказа

Ильясов Леча Махмудович

ORCID: 0000-0002-8824-4303

кандидат филологических наук

докторант Института этнологии и антропологии РАН

117335, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 42, оф. 4

✉ lechailyasov@gmail.com

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.70588

EDN:

OYIWOP

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2024

Дата публикации:

03-05-2024

Аннотация: Статья посвящена проблемам методики исследования петроглифов архитектурных сооружений Северного Кавказа. Автор рассматривает методические подходы к интерпретации их семантики, учитывая двуединую природу петроглифов архитектурных сооружений, которые, с одной стороны, являются особым культурным феноменом со своими изобразительными традициями и набором символов, а, с другой, генетически восходят к наскальному искусству, соответственно, обладая и свойствами наскальных рисунков. Автор считает, что, интерпретируя семантику петроглифов и их композиций, очень важно учитывать исторический контекст, в котором они были созданы и рассматривать их значение в русле религиозных традиций, актуальных для населения

той эпохи. Особую роль в расшифровке смысла петроглифов архитектурных сооружений играют, по мнению автора, эпические формулы или идеограммы, которые зарождаются в наскальном искусстве, а в петроглифике архитектурных сооружений обретают специфический характер, обусловленный узким набором сакральных символов, обладавших емким содержанием. Методологической основой исследования является совокупность общеисторических, этнографических и археологических методов исследования, использование которых определяется характером изучаемого материала. Автор полагает, что, несмотря на сложности интерпретации петроглифов архитектурных сооружений, связанной с реконструкцией религиозно-мифологических представлений древнего населения, именно определенный набор сакральных символов и их композиций, а также эпических формул, являются ключом к их объективной расшифровке. Петроглифы архитектурных сооружений имеют своим истоком древнее наскальное искусство, что дает возможность использовать при их исследовании в том числе и методические приемы изучения наскальных рисунков, историография которого насчитывает почти 150 лет и огромное количество научных монографий и статей. При этом петроглифика средневековых сооружений Северного Кавказа обладала выразительной самодостаточностью, которая позволяла народам региона с ее помощью фиксировать свои религиозно-мифологические и социальные традиции для передачи их следующим поколениям.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, средневековое народное зодчество, культовые сооружения, наскальное искусство, петроглифы архитектурных сооружений, методика изучения петроглифов, мифология, религиозные представления, эпические формулы, изобразительные традиции

В отличие от наскального искусства, историография которого насчитывает более 150-ти лет, к петроглифам архитектурных сооружений долгое время относились в лучшем случае как к части декора, предполагая, что в определенных случаях он может иметь сакральный характер. Чаще всего рисунки на камнях древних построек изучались как особый вид наскального искусства, не имеющий самостоятельного культурного значения, даже в таких регионах, как Северный Кавказ, где они представлены очень широко [1].

Научный интерес к петроглифам архитектурных сооружений Северного Кавказа появляется уже в первой половине XX в. [2; 3; 4]. При их исследовании учеными применялась методика, выработанная в процессе изучения семантики и функционального назначения наскальных рисунков. При этом не учитывалось, что петроглифы архитектурных сооружений, действительно восходя своими истоками к древнему наскальному искусству, в определенной степени обладают изобразительной самостоятельностью, которая не может не влиять на их смысловое содержание и функциональное назначение.

Первой работой, в которой были предложены принципы методики исследования именно петроглифики архитектурных сооружений Северного Кавказа, была статья В.И. Марковина, вышедшая в 1988 г. Исследователь предлагал изучать петроглифы прежде всего как единый культурный комплекс вместе с сооружениями, на которые они нанесены. При этом он считал, что семантика сакральных символов и их композиций нередко определяется типом объекта, на который они нанесены (святилище, храм,

мечеть, боевые и жилые башни, погребальные сооружения) так же, как и их ориентацией по странам света. По мнению ученого, петроглифы также могли быть отражением календарного цикла, связанного с сельскохозяйственными работами, которые обставлялись ритуальными действиями и молениями с использованием петроглифов и их композиций. Он считал, что небольшой набор символов, встречающихся в петроглификации архитектурных сооружений, компенсируется их композициями, которые далеко не так примитивны, как это кажется на первый взгляд. Если же относиться к ним, как к символам, отражающим вполне осознанные понятия и вещи, то ограниченность их числа может послужить дополнительным инструментом к их прочтению. Таким образом, по мнению исследователя, петроглифы представляют вполне определенные системы символов, отражающие мир духовной культуры народов Северного Кавказа, в которых заложен ключ к их прочтению [\[5, с.102-123\]](#).

Вопросы, связанные с методикой исследования петроглифов средневековых архитектурных сооружений, были рассмотрены Л.А. Перфильевой на основе материалов, выявленных ею во время экспедиции в Ассиновскую котловину в горной Ингушетии. Она выделила среди рисунков на башнях «симметричные и ассиметричные орнаменты, изображения солярных символов, обереги, антропоморфные и сюжетные композиции», однако никак не обосновала свою классификацию. Исследовательница также попыталась определить закономерности в размещении петроглифов на башнях, разделив их на «текtonические, то есть связанные с конструктивными элементами здания, и атектонические, то есть расположенные произвольно, но сама пришла к выводу об условности подобной классификации. Опираясь на материалы архитектуры и топографии, Л.А. Перфильева пришла к выводу о том, что в отдельных случаях жилые башни с петроглифами наряду с обычными выполняли культовые функции [\[6, с.124-136\]](#). Возможно, выделяя «текtonические» петроглифы, она имела ввиду рисунки на арочных камнях входных и оконных проемов жилых и боевых башен.

Таким образом, уже в работах исследователей второй половины XX в. появляется мысль о том, что петроглифы архитектурных сооружений, с одной стороны, представляют собой особый культурный феномен, имеющий свой канон изображения и являющийся частью единого культурного и сакрального пространства, в которое входит и сама постройка и нередко прилегающая к ней территория. С другой стороны, они имеют своими истоками наскальные рисунки, и нередко сохраняют стилистическое и семантическое сходство с ними.

Древний художник выбирал из изобразительного багажа наскального искусства наиболее емкие, универсальные символы, способные на маленькой поверхности строительного камня запечатлеть очень важную для коллектива сакральную информацию, способную защитить постройку от всего дурного, или обращенную к языческим божествам молитву о благополучии и процветании, живущих в ней людей, или имеющий культовое значение космогонический миф. Поэтому мы встречаем на стенах башен сакральные символы, которые относятся к базовым архетипам и сохраняют свою сакральную актуальность в течение тысячелетий.

На камни архитектурных сооружений наносились и композиции с изображениями магических обрядов, «так как магия ограничена строгими условиями своей эффективности: точное воспроизведение колдовской формулы, безукоризненное совершенство ритуала, неукоснительное соблюдение табу и церемоний обряда» [\[7, с.91-95\]](#).

Кроме того, можно предположить, что петроглифы использовались и для сохранения и передачи важной сакральной или социальной информации членам сообщества с помощью специальной символики (кода), которая имела древние традиции в этой географической и культурной зоне [\[8, с.37-46\]](#).

В интерпретации семантики петроглифов, независимо от их характера (наскольные рисунки или петроглифы архитектурных сооружений), основную роль, по мнению Д.Г. Савинова, должны играть специально выделенные парадигмы, определяющие целеполагание, содержание и назначение рисунков на камнях, включающие «характерную для данной исторической эпохи систему ценностей, отраженную в памятниках изобразительного искусства, образах/композициях, понятную как создателям, так и восприемникам этих изображений». В истории наскального искусства можно выделить, как полагает исследователь, четыре сменяющих друг друга парадигмы: условно-тотемическую, мифологическую, эпическую и палеоэтнографическую, развивающиеся в двух последовательных направлениях: культово-генеалогическом и социокультурном. Смысл и функциональное назначение петроглифической композиции определяется, исходя из предполагаемой семантики составляющих ее фигур. Выборочное рассмотрение семантики отдельных петроглифов, так же важно для правильного понимания их смысла, как и изучение контекста и композиции, которую они составляют. Именно в композиции можно понять и объективно интерпретировать содержание петроглифов, семантика которых дополняется и усложняется благодаря их связям внутри композиции [\[9, с.238-248\]](#).

Большое значение имеет определение стиля петроглифов, благодаря которому можно обозначить хронологию и принадлежность рисунка к какой-либо археологической эпохе. Согласно определению Е.А. Окладниковой, «стилистические особенности характеристики памятников наскального искусства включают в себя множество взаимосвязанных элементов, которые обладают содержательной или тематической, идеологической значимостью и композиционным единством... По сути дела, стилистика памятников наскального искусства – способ, характер изложения мыслей, которые овладевали древним художником в момент создания им произведения искусства» [\[10, с.166-175\]](#).

Не менее важным является выделение в петроглифических композициях изобразительных мифологем, поиск и правильное прочтение которых остается наиболее результативным путем раскрытия содержания петроглифических памятников. В этом отношении особое место занимают идеограммы, то есть «закодированные» самими авторами изображения (различного рода солярные символы; геометрические, в том числе криволинейные фигуры; «лабиринты»), которые, начиная с глубокой древности, существуют параллельно с реалистическими, имеют самостоятельное значение и не являются ни в коей мере результатом какой-то схематизации [\[9\]](#).

Встречаются эти формулы и в петроглифике архитектурных сооружений Северного Кавказа, что позволяет использовать их в качестве инструмента для интерпретации семантики отдельных символов и их композиций.

Например, перевернутые (антропоморфные и зооморфные) фигуры трактуются исследователями как мертвые [\[11, с.52-72\]](#). И эта семантика воспринимается как данность – почти никто из них не утруждает себя ее обоснованием. Но в религиозных представлениях чеченцев и ингушей языческого времени потусторонний мир воспринимался как перевернутое отражение мира живых. Древние вайнахи считали, что в мире мертвых все расположено вниз головой и отразили это в своей петроглифике. До

сегодняшнего дня у чеченцев сохранилось поверье – перевернутая кверху подошвой обувь может накликать смерть своему владельцу, что говорит об устойчивости древних религиозных представлений в сознании вайнахов.

Что касается перевернутых зооморфных изображений на камнях жилых и боевых башен, то можно предположить имитацию жертвоприношения, которая практиковалась на Северном Кавказе с эпохи ранней бронзы. Долгие годы исследователи считали, что камни с перевернутыми изображениями появились в кладке башни в результате ошибки мастера, который не понимал их значения [11]. Но в регионе, где строители вплоть до последнего времени с особой щепетильностью относились к сакрализации любого типа сооружений, такие ошибки были исключены. Например, в стену боевой башни селения Дере встроен камень со стилизованным изображением перевернутого ногами вверх козла. Камень и по цвету, и по текстуре относится к той же породе, что и весь строительный материал башни. Это свидетельствует о том, что петроглиф был нарисован во время строительства башни и представляет собой имитацию жертвоприношения, посвященного этому событию. При этом козел считался на Северном Кавказе сакральным животным, которого чаще всего приносили в жертву или он становился трофеем для победителей в скачках или состязаниях по стрельбе из лука [1, с.149-159]. Козла приносили в жертву во время обряда приема в тейп новых членов, после которого они назывались «людьми тейпа, принесшими в жертву козла».

В композициях петроглифов архитектурных сооружений Северного Кавказа есть стилизованные антропоморфные изображения, которые имеют параллели в кобанской бронзовой пластике. Это фигурки людей с опущенными вниз скобообразно руками и расставленными широко ногами, как, например, на арочном камне входного проема жилой башни селения Талкали. Изображения антропоморфных фигур в такой позе встречаются не только в петроглифика Северного Кавказа, но и в наскальных рисунках Сибири. Они могут выражать самые разные чувства (смирение, покорность, молитву), исследователи отмечают их полисемантичность [11, с.57-71].

Особые стилистические приемы используются в петроглифика Чечни при изображении мифологических существ, языческих божеств, которые значительно превосходят своими размерами антропоморфные фигуры. Этот прием (как и фаллический признак) используется в наскальном искусстве многих регионов мира (Скандинавия, Северо-Запад России, Сибирь, Средняя Азия) не только для обозначения божеств, но и социального статуса людей, мифологических героев [13, с.222-263]. Изображения героев в петроглифика Чечни обычно сопровождаются рисунками кинжалов и другого оружия, как в наскальных рисунках, так и на надгробных стелах. В композиции на жилой башне в селении Талкали изображена антропоморфная фигура с огромными руками, которая несколько раз превосходит по размерам фигуры людей (мужчины и женщины), размещенных у нее под приподнятыми и расставленными руками. В правом и левом нижних углах композиции нарисованы косые кресты, которые являются атрибутом верховного божества и свидетельствуют о защите им людей, как и сама поза божества. Огромные размеры в соотношении с другими фигурами, необычная прорисовка зооморфной головы (зооморфные признаки в антропоморфной фигуре), непропорционально большие ладони, косые кресты как атрибуты могут быть подтверждением того, что перед нами изображение верховного божества.

Среди петроглифов Чечни встречается множество рисунков антропоморфных фигур с трехпалыми руками и ногами. Наличие таких необычных черт, как трехпалость, является качеством мифологических существ у многих народов мира, но некоторыми

исследователями наскального искусства оно трактуется как ущербность тела и показатель отношения к нижнему миру [14, с.126-127]. В петроглифика Северного Кавказа трехпалость, на наш взгляд, является показателем принадлежности не только к мифологическим персонажам нижнего уровня, но и к существам верхнего мира. Трехпалость подчеркивает не телесную ущербность, а особенность, отличие от обычных людей, их статус. Об этом свидетельствует присутствие солярной символики рядом с трехпальными существами в некоторых композициях, которые большей частью можно интерпретировать как солярные мифы.

Семантика изображения всадника зависит от содержания композиций. Иногда антропоморфные фигуры в виде всадника встречаются в сценах охоты, которые, вероятнее всего, имеют мифологический характер. В некоторых композициях изображения всадников встречаются рядом со спиралью, или расположены вертикально, как бы спускаясь вниз. В таких случаях можно предположить, что речь идет о проводнике, который сопровождает души умерших в мир мертвых. Этот сюжет можно соотнести с традицией захоронения коня вместе с хозяином, существовавшей на Северном Кавказе длительное время. Один из героев нартского эпоса вайнахов Боткий Ширтка мог посещать мир мертвых и возвращаться обратно и даже сопровождать туда других людей [15, с.143-151]. Вертикальное расположение всадника предполагает, что он спускается в потусторонний мир, который находится внизу, под землей [16, с.58-61]. Интересными с точки зрения семантики представляются спирали, которые в композициях изображаются рядом со всадником или с перевернутой вверх ногами зооморфной фигурой (мертвым животным), что позволяет интерпретировать этот символ как путь в мир мертвых. Если даже исходить из трактовки спирали как свернувшейся змеи, то учитывая, что и она считалась в мифологических представлениях многих народов хтоническим существом и проводником в мир мертвых, есть основания предполагать значение спирали как дороги в потусторонний мир. Это подтверждается и семантикой двойной спирали как отражения движения солнца по небосводу, которое вечером «умирает», уходя в мир мертвых, а утром вновь «воскресает» и возвращается в мир живых. При этом в мифологии скандинавских народов именно конь тянет солнце в полдень [17, с.127-138]. С двойной спиралью связана способность мертвых на какое-то время возвращаться в этот мир [16, с.61].

Зооморфные фигуры представлены оленями, козлами, конями, кошачими хищниками, птицами. Наиболее распространенным в петроглифика Чечни является изображение оленя, который встречается в композициях, представляющих солярные мифы и обряды охотничьей магии, а в космогонических сюжетах может трактоваться как тотемное животное. То же самое можно сказать и об изображении козла [1, с.149-159], который может выступать в различных ипостасях. Исследователи отмечают смысловую многослойность (полисемантичность) наскальных рисунков, которые помимо отсылок к социальной реальности, могут указывать на мифы и легенды, известные в древнем обществе.

В петроглифика Чечни встречаются изображения водоплавающих птиц, которые в мифологии разных народов воспринимаются по-разному, и как представители Верхнего мира (творцы мира, демиурги) [15, с.143-151], и как существа нижнего мира, водной стихии [18, с.98], а лебеди являются олицетворением душ благородных воинов. Ласточка, изображение которой мы видим на камне в селении Бавлой, является персонажем нартского эпоса. Она приносит в клюве воду, чтобы утолить жажду Соска Солсе, выпившему расплавленную медь. В представлениях чеченцев и ингушей ласточка

является вестницей добра.

В особую группу можно выделить сакральных животных, в названии которых есть корень «пхъа – кровь»: пхъу – кобель, пхъид – лягушка, пхъагал – заяц. Лягушка и заяц являются персонажами нартского эпоса и связаны между собой, при этом название зайца табуировано и заменяется словом «длинноухий». Изображения лягушек встречаются на надгробных стелах, возможно, как воплощения существ нижнего мира, но не враждебных человеку, а несущих ему добро, плодородие, в отличие от зайца, произнесение имени которого приносит неудачу. Собака была также существом нижнего мира, но уже как верный помощник человека, как его верный страж, который сопровождал его в мир мертвых и охранял его там. Почитание собаки появилось на Северном Кавказе еще в эпоху поздней бронзы, и, по всей видимости, было связано с ее важной ролью в хозяйственной деятельности человека [\[19, с.20-22\]](#). Изображение собаки встречается в петроглифических композициях, которые отражают мифологические сюжеты, связанные с «космической» охотой, а также рядом с антропоморфными фигурами, как, например, в композициях в селениях Шарой и Хамхи (Ингушетия).

Исходя из круга антропоморфных и зооморфных фигур, присутствующих в петроглифических композициях Чечни, можно предположить, что они соответствуют мифологической и эпической парадигмам наскального искусства [\[11, с.57-71\]](#). К первой относятся мифы, связанные с солярным культом, космогоническими сюжетами, ко второй, эпической парадигме – нартские сказания (о путешествии Боткий Ширтка в подземный мир, о ласточке, несущей воду в клюве для Соска Солсы и т.д.).

Петроглифика Чечни в отдельных композициях отражает структуру мироздания, состоящую из трех вертикальных уровней: верхнего, среднего и нижнего миров, которые, в свою очередь, подразделяются на горизонтальные части. При этом мироздание, по представлениям вайнахов, обладает цельностью и единством и находится в постоянном движении [\[20, с.104-111\]](#).

Таким образом, несмотря на ограниченный набор символов, который используется в петроглифах архитектурных изображений Северного Кавказа, благодаря новой семантике, появляющейся в результате их различных сочетаний в композициях, они обладают широкими изобразительными возможностями для выражения социальной, мифологической и религиозной информации. При этом содержание многих сакральных символов и их композиций в определенной степени «канонизировано» и известно как «художнику», так и его «зрителям». Типологически петроглифы архитектурных сооружений Северного Кавказа занимают промежуточное место между наскальным искусством и пиктографическим письмом. Генетически они восходят к наскальным рисункам и сохраняют «идеограммы», возникшие еще в наскальном искусстве, что, в какой-то степени, облегчает их интерпретацию.

Библиография

1. Кобычев, В.П. Язык есть нем // Советская этнография. 1973. №4 (июль – август). С. 149-159.
2. Башкиров, А.С. Петро графика Аварии // Труды РАНИОН. 1930. Т.5. С. 126-133.
3. Шиллинг, Е.М. Изобразительное искусство народов горного Дагестана // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1950. Кн. 9. С. 47-75.
4. Атаев, Д.М., Марковин, В.И. Петро графика горной Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Махачкала, 1964. Том 14. С.

342-374.

5. Марковин, В.И. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 102-123.
6. Перфильева, Л.А. Об особенностях употреблений средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 124-136.
7. Малиновский, Б. Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2024. 330 с.
8. Bradley, Richard. Mixed media, mixed religious transmission in Bronze Age Scandinavia // Picturing the Bronze Age. Oxford: Oxbow books, 2015. pp. 37-46.
9. Савинов, Д.Г. На пути раскрытия содержания памятников наскального искусства // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии. – Кемерово, 2021. С. 238-248.
10. Окладникова, Е.А. Стилистика наскального искусства неолита и бронзового века юга Сибири и процесс формирования культурных мифов // Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории. К 100-летию со дня рождения А.П. Окладникова. СПб.: Астерион, 2008. С. 166-175.
11. Савинов, Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 52-72.
12. Марковин, В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 184-271.
13. Советова, О.С. Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века: специальность 07.00.06 «Археология»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Советова Ольга Сергеевна; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2007. 440 с.
14. Бубенцова, А.В. Петрографические тексты культуры территории Северо-Запада России: типология и семантика: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2014. С. 126-127.
15. Далгат, У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 462 с.
16. Далгат, Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. 132 с.
17. Skoglund, P. Cosmology and Performance: narrative perspectives on Scandinavian rock art // Changing Pictures. Rock Art Traditions and Visions in Northern Europe. Oxford and Oakvill: Oxbow Books. 2010. pp. 127-138.
18. Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейя, 2005. 472 с.
19. Кривицкий, В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб.: Полторак, 2012. 85 с.
20. Кантария, М.В. Вселенная в представлениях вайнахов и осетин // Советская этнография. 1990. №2. С. 104-111.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Не одно столетия Россия развивается как многонациональное государство: это легко обнаружить как при изучении истории Древней Руси, так и при взгляде на более близкий к нам временной период. Народы, отличающиеся языком, культурой, хозяйственным укладом, конфессиональной принадлежностью, обнаруживают единство во многом благодаря общности исторической судьбы. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов культуры, в том числе исторических памятников, особенно на территории такого уникального полигэтнического региона, как Северный Кавказ.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются петроглифы средневековых архитектурных сооружений Северного Кавказа. Автор ставит своими задачами показать важность изучения петроглифов, проанализировать основные подходы к изучению, а также определить место петроглифов в изобразительном искусстве.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать методику исследования петроглифов средневековых архитектурных сооружений Северного Кавказа.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследования. Из используемых автором исследования отметим работы Д.Г. Савинова и Е.А. Окладниковой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения древнего наскального искусства, а также работы А.С. Башкирова и В.И. Марковича, которые рассматривают петроглифы Северного Кавказа. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как культурой Северного Кавказа, в целом, так и петроглифами средневековых архитектурных сооружений региона, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "петроглифы архитектурных сооружений, действительно восходя своими истоками к древнему наскальному искусству, в определенной степени обладают изобразительной самостоятельностью, которая не может не влиять на их смысловое содержание и функциональное назначение". Автор обращает внимание на то, что "типологически петроглифы архитектурных сооружений Северного Кавказа занимают промежуточное место между наскальным искусством и пиктографическим письмом". При этом, как отмечается в рецензируемой статье, "они восходят к наскальным рисункам и сохраняют «идеограммы», возникшие еще в наскальном искусстве, что, в какой-то степени, облегчает их интерпретацию".

Главным выводом статьи является то, что

"несмотря на ограниченный набор символов, который используется в петроглифах архитектурных изображений Северного Кавказа, благодаря новой семантике,

появляющейся в результате их различных сочетаний в композициях, они обладают широкими изобразительными возможностями для выражения социальной, мифологической и религиозной информации".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, статье не хватает наглядности, нет примеров тех петроглифов, о которых говорит автор.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ефименко Н.А. Этнический аспект ликвидации Юаньской империи // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.40644 EDN: TJZTZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40644

Этнический аспект ликвидации Юаньской империи

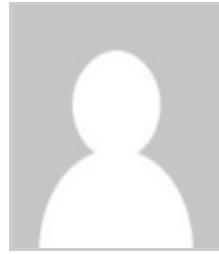
Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

студент, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.40644

EDN:

TJZTZP

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2023

Дата публикации:

09-05-2024

Аннотация: Данная статья рассматривает важность вопроса о национальной принадлежности китайцев на примере Юаньской династии – исторически первой династии, где правители были кочевниками-завоевателями, а не людьми ханьского происхождения. Целью работы является изучение этнического аспекта процесса ликвидации Юаньской империи и важности единства китайского народа. Методология работы включает использование разных источников, в том числе летописей, исторических исследований и источников, показывающих реалии не только со стороны китайцев, но и со стороны монголов. Данный подход позволяет рассмотреть вопрос с двух сторон и получить более объективные выводы. Результаты работы показывают, что важность единства китайского народа стала явной уже в эпоху Хань, когда понятие "ханец" стало иметь политическое значение. Впервые культурные признаки перестали быть единственным фактором, объединяющим людей, и национальная принадлежность

стала иметь решающее значение для единства государства. Область применения результатов работы включает изучение истории Китая, этнических взаимоотношений и проблем национальной принадлежности. Новизна работы заключается в использовании разных источников и рассмотрении проблемы с разных сторон, что позволяет получить более полную картину исторического процесса. Выводы работы подчеркивают важность признака национальной принадлежности для единства государства и показывают, что национальные проблемы могут стать фактором, способным ослабить и разрушить даже самые мощные государства.

Ключевые слова:

китайская культура, китайская история, ханьцы, этнос, Юаньская империя, национальная принадлежность, монголы, этнический аспект, Китай, этнический конфликт

Введение

Если посмотреть на всю диахронию китайской истории, то ханьский этнос, заложивший фундамент и корневые понятия китайской культуры, всегда занимал самый большой процент всего населения. Начиная с самых древних времен оседлые народы, проживавшие на территории района Центральной равнины Китая, чтобы отделить себя от кочевников, называли себя этносом Хуася 华夏 *huá xià*. Если посмотреть на эту лексему с точки зрения ее состава, то данное слово состоит из двух морфем 华 *huá* и 夏 *xià*. Если посмотреть на ее семантику, то морфема 华 *huá* изначально имела значение «расцвет цветка» (1,554-555), а морфема 夏 *xià* имело значение «человек, живущий на территории Центральной равнины Китая». Однако в то время, кроме культурных признаков, людей ничего больше не объединяло. Данная ситуация изменилась только после того, как император Цинь Шихуан создал династию Цинь (221-207 до н. э.) и закончил период феодальной раздробленности. Несмотря на важное значение династии Цинь в китайской истории, она не смогла долго продержаться из-за неудачной политики второго императора династии Эрши Хуан-ди и быстро пала. И только в следующую эпоху, эпоху династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.), важность единства китайского народа смогла выразиться в том, что впервые появилось понятие 'ханец', где этнос, кроме культурного, стал иметь еще и политическое значение, объединяя людей, относящихся к одному государству.

В данной работе мы разберем важность национальной принадлежности китайцев на примере быстрого заката Юаньской империи, так как это первая династия, где впервые на троне были правители не ханьского происхождения, а кочевники-завоеватели.

Для получения объективного результата в процессе исследования были использованы разные источники, из которых главными являются различные летописи. Мы взяли за основу не только летопись "Юань ши" (元史) [2], которая является одной из 24 официальных хронологий династических историй, написанных во время династии Мин, но и летописи, показывающие реалии со стороны монголов, такие как "Сокровенное сказание монголов" (元朝秘史) [3] и "Истоки Монголии" (蒙古源流) [4]. Это сделано для рассмотрения вопроса с двух сторон и получения более объективных выводов. Также будут использоваться различные исторические исследования, которые будут указываться в основной части.

По вопросу причин ликвидации Юаньской империи было написано немало работ, где

разбирались и подчеркивались разные аспекты. Например, в статье Ван Мяо (王淼) «Чрезмерное дарование и гибель Юаньской династии: выводы, основанные на экономических исследованиях» (《滥赐与元朝的灭亡——基于经济学的考察》) [5] автор рассмотрел экономический аспект гибели империи. В статье написано, что важнейшей причиной этой гибели явилось излишество наград императором своих подданных, что привело сначала к инфляции, а затем – к экономическому кризису и изменению власти. Исследователь Лю Хайвэй (刘海威) в своей статье «Размышления о культурных факторах гибели Юаньской династии» (《元朝灭亡文化因素的思考》) [6] рассматривает культурный аспект развала империи и выдвигает мнение о том, что упрямство монгольских ханов и колебания между монгольской и ханьской культурами погубили их. В давней статье Цао Ханьци (曹汉奇) «Вопросы социального противостояния Юаньской династии» (《元朝的社会矛盾问题》) [7] автор показывает проблему сословий и дискриминации ханьского населения.

Большинство работ, исследующих данный вопрос, выделяет три аспекта: экономический, культурный и социальный. В нашей работе за основу будет взят этнический аспект, который ранее не рассматривался отдельно. С его помощью мы можем выявить новую точку зрения на ликвидацию Юаньской империи и объяснить эти исторические события с другой стороны.

Основная часть

После создания государства хан Хубилай, как выдающийся Чингисид, понимал, что его народ уже не монголы, а в большинстве ханьцы и их надо каким-то образом примирить с ужасными для китайцев изменениями. Этнос хань всегда был подавляющим этносом на территории Китая, ведь китайскую цивилизацию создали именно они. Они с самого начала вели хозяйственный образ жизни, а народ в свою очередь считал кочевников злодеями, которые хотят забрать их территорию и ограбить простых людей.

За всю китайскую историю династии бесконечно менялись и изменения были грандиозными – не так, как в русской истории, где после Рюриковичей пришли к власти Романовы, которые даже были кровными родственниками Рюриковичей. В Китае одна династия сменяла другую, к власти приходили абсолютно новые правители, и единственное, что объединяло всех правителей, – их принадлежность к ханьскому этносу. Поэтому для народа был очень важен не род правителя, а его этническое происхождение, народу нужна была эта ханьская правильность. И когда вдруг правитель являлся представителем другого этноса, то народ боролся с ним до последнего, пока не получал своего ханьского императора.

Данную теорию можно подтвердить, рассматривая числа “периода процветания”. В древнем Китае практически у каждой династии был свой период процветания, и если мы разберём все династии великого единства, то перед нами будет интересная картина. В Китае сменилось 10 таких династий (если не считать спорную династию Северная Сун, то 9):

1. Династия Цинь (221-207 до н. э.) не имела периодов процветания.
2. Династия Западная Хань (202 до н. э.- 8) имела 3 периода процветания: 文景之治 (вэнь цзин чжи чжи), 汉武盛世 (хань у шэн ши), 昭宣中兴 (чжао сюань чжун син).
3. Династия Восточная Хань (25-220) имела 3 периода процветания: 光武中兴 (гуан у чжун син), 明章之治 (мин чжан чжи чжи), 永元之隆 (юн юань чжи лун).
4. Династия Западная Цзинь (266-316) имела 1 период процветания: 太康之治 (тай кан чжи чжи).

чжи чжи).

5. Династия Суй (581-618) имела 1 период процветания: 开皇之治 (кай хуан чжи чжи).
6. Династия Тан (618-907) имела 8 периодов процветания: 武德之治 (у дэ чжи чжи), 贞观之治 (чжэнь гуань чжи чжи), 永徽之治 (юн хуэй чжи чжи), 武周之治 (у чжоу чжи чжи), 开元盛世 (кай юань шэн ши), 元和中兴 (юань хэ чжун син), 会昌中兴 (хуэй чан чжун син), 大中之治 (да чжун чжи чжи).
7. Династия Северная Сун (960-1127) имела 3 периода процветания: 建隆之治 (цзянь лун чжи чжи), 咸平之治 (сянь пин чжи чжи), 仁宗盛治 (жэнь цзун шэн чжи).
8. Династия Юань (1271-1368) не имела периодов процветания.
9. Династия Мин (1368-1644) имела 8 периодов процветания: 洪武之治 (хун у чжи чжи), 永乐盛世 (юн лэ шэн ши), 仁宣之治 (жэнь сюань чжи чжи), 成化新风 (чэн хуа синь фэн), 弘治中兴 (хун чжи чжун син), 嘉靖中兴 (цзя цзин чжун син), 隆庆新政 (лун цин синь чжэн), 万历中兴 (вань ли чжун син).
10. Династия Цин (1636-1912) имела 1 период процветания: 康乾盛世 (кан цянь шэн ши).

Если мы соберём полученные данные, то увидим, что только династия Цинь, которая длилась 14 лет, и династия Юань не имели периодов процветания. Короткие и не очень удачные династии, такие как династия Западная Цзинь и династия Суй, имели один период процветания, а у великих династий, как Тан или Мин, было целых 8 периодов процветания.

Из вышеперечисленных династий только две имели неханьских правителей — династии Юань и Цин. Несмотря на то что за все 276 лет у династии Цин был только один период процветания, даже он является крайне спорным. Большинство китайских исследователей считает, что этот период нельзя считать расцветом династии. Так, в статье Ли Цян, Сюй Каннин и Вэй Вэй «Существовал ли "Кан цянь шэн ши"?: анализ на основе экономических данных» [\[18\]](#) после анализа экономических данных сделан прямой вывод, что "Кан цянь шэн ши" не существовал. Даже нынешний председатель КНР Си Цзиньпин [\[19\]](#) высказывает отрицательное мнение об этом периоде.

Как ни странно, хорошо отзываются об этом периоде практически только иностранцы. Но если подумать, то это является понятным, ведь это был период безумного увлечения иностранцев Китаем. Кроме того, при династии Цин необыкновенно сильны были судебные процессы над деяниями литературы, для того чтобы писалось только то, что правительству было выгодно. А иностранцы, которые в большинстве не имели шансов увидеть Китай своими глазами, получали знания о Цинской империи или из переведённых китайских книг, или из записок путешественников, которые были безусловно субъективными. У них не было возможности увидеть реалии Цинской империи.

Из вышеприведенных данных можно сделать главный вывод: для народа было крайне важно, чтобы их правитель был этнически таким, как и они, — был ханьцем.

Если вернуться к Юаньской империи, то хан Хубилай, безусловно, знал страсть к этносу у ханьского населения, но показывать другим Чингизидам, что он является также и ханьским правителем, конечно, было невозможным. Единственный выход, который он и использовал в будущем, — вести себя по-разному перед ханьцами и монголами. Ханьский народ видел иностранного правителя, который после завоеваний быстро

китаизировался, и только высшие чиновники и знать Монгольской империи знали, что перед ними не Сын неба, а великий Хань.

Официальное название государства 大元 (Да юань) появилось не просто так. Но, к сожалению, практически все китайские историки выдвигали только одну версию создания этого названия: по записям в историческом документе «Цзянь го хаочжао», Хубилай взял понятие Да юань из «Книги перемен»^[10], а именно, использовал знаменитое у китайцев философское понятие 大哉乾元 (да цзай цянь юань) как основу, которая являлась высшей субстанцией и духовным стремлением в китайской философии, а 大元 *dà yuán* — это сокращение данного понятия. И этим показывается, что монгольский хан адаптировался под китайскую культуру и взял китайскую философию за основу своей государственности. Однако данная теория вызывает большое количество вопросов, так как Хубилай, как внук Чингисхана, всю свою жизнь боролся за престол Хана, и показ его сильной любви к китайской культуре явно мог вызвать серьезные проблемы с другими каганатами.

Однако, если мы посмотрим на данный вопрос с более глобальной стороны, то перед нами будет другая картина. После того как в 1259 году погиб великий хан Мунке, в Монгольскую империю пришло сравнительно недлинное время смуты. Практически все правители других монгольских государств были за то, чтобы Ариг-Буги, который являлся седьмым сыном Толуя и младшем братом Мунке, стал новым ханом. Но Хубилай не был доволен тем, что власть хотят передать младшему брату, а не ему. Поэтому в 1260 году Хубилай восстал, создал своё государство, сам объявил себя великим ханом и захотел создать свою Монгольскую империю. Поэтому если мы посмотрим на официальное название самой Монгольской империи, то это будет *Yeke Mongol Ulus* (Великое Монгольское государство), а "новая Монголия" использовала название *Dai Öp Mongghol Ulus*. Это название раньше уже существовало, но Хубилай дал ему более важное значение: этим он отделял свою Монголию от Ариг-Бугиской, а *Dai Öp* (простор) фонетически по-китайски звучит почти как 大元 (Да юань).

Если мы объединим данные факты, то историческое событие станет более понятным: внутри государства название государства давалось такое, которое подходило для ханьского мышления, а во внешнеполитическом аспекте название показывало совсем другое — такое, которое использовалось как аргумент ортодоксальности ханского титула Хубилая и его государства.

Если рассматривать культурный аспект данного вопроса, то политика в период Юаньской империи также была склонена к сохранению ханьского фундамента. Как пример можно привести приспособление к конфуцианским традициям и взятие конфуцианской философии за основу правления, так как она не только являлась хорошим предлогом для централизации власти, но и показателем мягкой силы ханьской культуры, что безусловно нравилось китайскому населению. То же Хубилай сделал с языком: китайский язык остался основным языком на территории Китая, однако монгольский был необходим в тогдашнем аристократическом обществе; таким образом решалась проблема сохранения местного языка и одновременно подчеркивалась элитность монгольского.

И все же этнический вопрос оставался нерешенным за весь период Юаньской империи, а в социальном аспекте ханьцы были в подавленном положении, так как в Юаньской империи действовала политика разделения людей на классы: в первый класс входили монголы, во второй класс входили цветноглазые — это народы, живущие в Западном крае, в третий класс входили чжурчжэны, кидани и северные ханьцы. В четвертый класс входили южане, которые тоже являлись этническими ханьцами, но раньше были

поданными Южной Сун.

Эта политика не была официально прописана в каком-либо документе, однако данное деление людей на 4 класса проявлялось во всех законах. Как пример, можно взять судебник Юаньской империи 《元典章》(Юань дянь чжан) [11]. Там в 42-й статье написано, что если монгол убил ханьца, то его надо будет бить палкой 57 раз и он должен заплатить за похороны пострадавшего, но если ханец убил монгола, то ханьца надо сразу казнить, а имущество забрать. Или как написано в летописи 《庚申外史》(Гэн шэн вай ши) [12]: “禁汉人、南人不得持寸铁” («Ханьцы и южане не имеют права иметь любое оружие») или “蒙古、色目殴汉人、南人，不得回手” («Когда монголы и сэму избивают ханьцев и южан, то те не имеют права ответить ударом на удар»).

Можно сказать, что именно данная политика погубила Юаньскую империю. Однако, если посмотреть глубже, то будет известно, что в основе конца Юаньской империи лежала нелюбовь и непокорность ханьцев другим народам. И поэтому все 98 лет существования Юаньской империи были неспокойными, а в летописях официально зафиксированных крестьянских восстаний можно насчитать каждый год по несколько раз. Используя данные из статьи Чжоу Динчу (周鼎初) «Исторические особенности и социальные причины крестьянских восстаний при Юаньской династии»(《元代农民起义的历史特点及社会原因》) [13], можно заметить, что крестьянские восстания имели следующие особенности:

1. Многие ханьские помещики участвовали в восстании вместе со своими крестьянами, они давали крестьянам материальную поддержку, иногда даже были лидерами восстаний.
2. Восстания часто сопровождались лозунгом 复宋 («Восстановим империю Сун»).
3. Крестьянские восстания не были против помещиков и не боролись за землю или свои права. Целью крестьянских восстаний стали: 恢复中原 (вернуть Центральную равнину) и 重开大宋之天 (возобновить хорошие времена империи Сун).

Все эти факты показывают только одно — этнические ханьцы средних и высших сословий выступали против монгольской власти, не желая находить компромисс с ней, и были на стороне крестьян, даже несмотря на то что они не были подвергнуты несправедливым законам и ущербу из-за своего происхождения. Если взять южную часть Китая, то южане за всю юаньскую историю восставали несколько сот раз. Каждый раз восстания подавлялись кровавыми и жестокими способами, однако это никак не успокаивало людей, а количество восстаний только росло.

Данная позиция ханьских крестьян и феодалов напрямую привела к ослаблению сельского хозяйства в стране, и правительство вынуждено было найти новую точку опоры вместо сельского хозяйства, которой в итоге стала торговля. Для усиления роли торговли были созданы новые налоговые законы, единая бумажная и серебряная валюта по всей стране. Но в итоге это привело к инфляции бумажных денег и экономическому кризису, который сильно ускорил процесс разращения империи.

23 января 1368 года руководитель войск Красных повязок Чжу Юаньчжан объявил о создании Минской империи, и 14 сентября 1368 года со своим девизом “驱逐鞑虏, 恢复中华, 陈纲立纪, 救济斯民” («Выгнать монголов, вернуть китайские земли, дать обществу стабильность, спасти народ») он захватил столицу Даду и заставил юаньского императора Тогон-Тэмура отступить на север.

Заключение

Для удовлетворения ханьского населения и поддержки легитимности в глазах китайских подданных монгольскими правителями проводилась активная кампания по пропаганде китайского культурного и национального наследия практически во всех областях и сферах жизни. Однако это никак не смогло изменить враждебного настроя народа к правительству и его желания вернуть правителя, который был одного с ними происхождения и имел общие этнические корни, что в итоге и привело к падению Юаньской империи.

Также важно отметить, что данная этническая гордость и презрительное отношению к другим этносам является важной чертой китайского характера, которая проявляется практически во всех исторических событиях, касающихся взаимодействий с другими народами. Данный аспект важно учитывать в историко-культурологических исследованиях.

Библиография

1. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
2. 王太岳. 四庫全書考證 3 史部. 上海:上海三联书店, 2021年. 955-1476页.
3. 乌兰. 元朝秘史. 北京:中华书局, 2012年. 409页.
4. 萨囊彻辰. 蒙古源流 蒙古族史籍. 北京:中国国际广播出版社, 2016年. 454页.
5. 王焱. 滥赐与元朝的灭亡——基于经济学的考察. 丝绸之路, 2013 (08) : 37-38. Ван Мяо. Чрезмерное дарование и гибель Юаньской династии: выводы, основанные на экономических исследованиях // Великий шёлковый путь. 2013. №8. С. 37-38.
6. 刘海威. 元朝灭亡文化因素的思考. 元史及民族与边疆研究集刊, 2017 (02) : 121-126. Размышления о культурных факторах гибели Юаньской династии // Вестник истории, этнических и пограничных исследований династии Юань. 2017. №2. С. 121-126.
7. 曹汉奇. 元朝的社会矛盾问题[J]. 历史教学问题, 1957 (02) : 23-25. Вопросы социального противостояния Юаньской династии // Проблемы преподавания истории. 1957. № 2. С. 23-25.
8. 李强,徐康宁,魏巍.“康乾盛世”真的存在吗——基于经济数据测算的分析[J]:北京社会科学,2013(01) : 62-71
9. 关于习近平“地图之间”的思考. Размышления по поводу "вопроса о карте" Си Цзиньпина [Электронный ресурс] URL: <http://news.sohu.com/20140619/n401060842.shtml> (дата обращения: 10.02.2023).
10. 李新. 易经解义. 北京: 九州出版社, 2023年, 414页.
11. 陈高华. 元典章. 北京: 中华书局, 2011年, 2490页.
12. 权衡. 庚申外史. – 北京: 文殿阁书庄, 1937. 64页.
13. 周鼎初. 元代农民起义的历史特点及社会原. 咸宁师专学报, 1987 (01) : 83-90. Чжоу Динчу. Исторические особенности и социальные причины крестьянских восстаний при Юаньской династии // Вестник Хубэйского университета науки и технологий. 1987. № 1. С. 83-90

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Этнический аспект ликвидации Юаньской империи»

Предмет исследования – этнический аспект ликвидации Юаньской империи в Китае. Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, историзма и системности. В работе, как видно из ее структуры и содержания, использованы конкретные исторические методы исследования: историко-генетический,

сравнительно-исторический и т.д.

Актуальность исследования. Автор отмечает, что в Китае с древнейших времен «одна династия сменяла другую, к власти приходили абсолютно новые правители, и единственное, что объединяло всех правителей, — их принадлежность к ханьскому этносу. Поэтому для народа был очень важен не род правителя, а его этническое происхождение, народу нужна была эта ханьская правильность». И во все времена доминирующим численно этносом в Китае был ханьский этнос, т.е. говоря современным языком государствообразующим этносом в Китае был ханьским. Юаньская империя, в которой правитель был «ханьского происхождения», а был кочевником завоевателем продержалась недолго. Актуальность изучения падения империи Юань остается актуальной теме и до настоящего времени этот вопрос не решен. Актуальность темы определяется также геополитическими реалиями современности, ростом авторитета Китая и некоторые положения автора о характере хань (о восстаниях против правителей династии Юань) представляется интересным и важным.

Научная новизна статьи заключается в постановке вопросы. В данной статье впервые исследуется падение Юаньской империи с точки зрения ее этнического аспекта (основное население хань и правитель не хань). Автор отмечает, что в статье будет разбираться «важность национальной принадлежности китайцев на примере быстрого заката Юаньской империи и объяснить эти исторические события с другой стороны».

Стиль статьи академический, точный, ясный и конкретный. Структура работы направлена на достижение цели и задач статьи. Структура состоит из введения, основной части и заключения. Во введении автор объясняет цель работы, пишет об источниках, которые были использованы для подготовки статьи и отмечает, что он опирался не только на летопись "Юань ши" которая является одной из 24 официальных хронологий династических историй, написанных во время династии Мин, но и летописи, показывающие реалии со стороны монголов, такие как "Сокровенное сказание монголов" и "Истоки Монголии", а также различные исторические исследования китайских и монгольских ученых. Во введении имеется историографический обзор по теме, отмечены какие вопросы достаточно хорошо изучены и какие не получили должного освещения. В основной части автор последовательно и логично раскрывает исследуемую тему, показывает какую роль играл этнический фактор в период Юаньской династии. Статья отличается обилием интересных факторов и сведений. Автор пишет, что правитель Хубилай (монгол) «знал страсть к этносу у ханьского населения, но показывать другим Чингизидам, что он является также и ханьским правителем, конечно, было невозможным. Единственный выход, который он и использовал в будущем, — вести себя по-разному перед ханьцами и монголами. Ханьский народ видел иностранного правителя, который после завоеваний быстро китаизировался, и только высшие чиновники и знать Монгольской империи знали, что перед ними не Сын неба, а великий Хань». И эту дуальность автор прослеживает в названии государства, в культуре и в языке Юаньской империи.

Этнический же вопрос, отмечает автор не был решен и «в социальном аспекте ханьцы были в подавленном положении, так как в Юаньской империи действовала политика разделения людей на классы и в первый класс входили монголы». И приводит интересные факты об этом. Против власти монголов отмечает автор были не только крестьяне, которые поднимали не одно восстание, но и этнические ханьцы средних и высших сословий. Крестьянские восстания не были направлены против помещиков, а были против власти монголов. Помещики же поддерживали крестьян и несмотря на то, что восстания жестоко подавлялись, они вспыхивали вновь и вновь. В заключении статьи приведены выводы.

Библиография оформлена по требованиям журнала. Апелляция к оппонентам

представлена на уровне работы над темой и полученных результатов.

Выводы автора объективны и следует признать правоту автора о том, что «удовлетворения ханьского населения и поддержки легитимности в глазах китайских подданных монгольскими правителями проводилась активная кампания по пропаганде китайского культурного и национального наследия практически во всех областях и сферах жизни». Но все эти меры не оказали влияния на настроения хань (высших сословий и народа» к правительству династии Юань и «его желания вернуть правителя, который был одного с ними происхождения и имел общие этнические корни, что в итоге и привело к падению Юаньской империи».

Статья написана интересно, тема актуальная и вызовет интерес специалистов и широкой читательской аудитории.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шепталин А.А. Об обоснованности выделения категории «истоки права» в теории государства и права // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.40763 EDN: AMCNXO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40763

Об обоснованности выделения категории «истоки права» в теории государства и права

Шепталин Алексей Александрович

ORCID: 0000-0001-5442-6160

кандидат исторических наук

доцент кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета

426034, Россия, республика Удмуртская, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 4, оф. 341

 sheptalin@list.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.40763

EDN:

AMCNXO

Дата направления статьи в редакцию:

16-05-2023

Дата публикации:

29-05-2024

Аннотация: Объектом исследовательского внимания в статье стал феномен истоков права. В качестве предмета исследования рассмотрены основные подходы в отечественной историографии к определению истоков права и их соотношению с источниками права. Цель работы заключается в попытке обоснования необходимости выделения истоков права из семантически перегруженной категории источников права в самостоятельную категорию. Особое внимание обращается автором на полярность мнений в существующей дискуссии относительно истоков права, что связано как с недостаточной разработанностью проблемы, полисемичностью термина «исток», так и с имеющимися место различиями в подходах к правопониманию. Автор акцентирует внимание на том, что в различных классификациях особняком стоит деление источников

права на «первичные», положившие когда-то в глубокой древности начало институту права, и «вторичные», функционально подпитывающие право вплоть до современности. На этом основании вне зависимости от подхода к пониманию права представляется логичной необходимость выделения «первичных» источников права в отдельную теоретическую категорию «истоков права» с перспективой ее закрепления в теории государства и права. Практическая значимость выделения и необходимость специального изучения истоков права обосновываются тем, что поиск и выявление хронологически древнейших истоков права в системе нормативного регулирования потестарно-раннеклассового общества может стать ключом к попытке выработки универсального, интегративного, определения права.

Ключевые слова:

истоки права, источники права, правообразующие факторы, первобытная община, мононорма, генезис права, неолитический суд, судебный прецедент, правовой обычай, юридическая антропология

Одним из проявлений поступательного развития науки теории государства и права, несмотря на ее определенный консерватизм, является развернувшаяся в отечественной историографии дискуссия об истоках права. Еще в советский период, т. е. при явном доминировании квазимарксистского позитивистского подхода в правопонимании, эта тематика затрагивалась в связи с вопросом об источниках и формах права, но относительно широкое внимание отечественных исследователей она привлекла лишь сравнительно недавно [9, 13, 17, 18]. Несомненно, на новый уровень изучение истоков права должно выйти после апробации в научном сообществе давно ожидаемой коллективной монографии «Истоки и источники права: генезис и эволюция» [7], изданной весной 2023 г. Между тем, в зарубежной историографии поиск не философско-умозрительных, а эмпирически наглядных истоков права, фигурирующих в дискуссиях под различными терминами (*the origins of law, the germ of law, the beginning of law* и др.), идет по меньшей мере с момента первого издания в 1861 г. знаменитой книги основоположника юридической антропологии Г. С. Мэйна «Древнее право» [29].

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что феномен истоков права по объективным причинам игнорируется большинством сторонников различных направлений позитивистского подхода, преобладающего сегодня в отечественной юриспруденции позитивистского подхода, которые, по верному замечанию В. М. Сырых, по-прежнему предпочитают исследовать современные проблемы правоведения посредством формально-догматического анализа законов и иных источников и оставляют вне должного внимания процессы воплощения права в конкретных отношениях и социально-правовые факторы, ограничивающие волю законодателя [20, с. 15].

Более того, даже придерживающиеся иных подходов авторы либо игнорируют сам феномен истоков права, либо используют для его обозначения схожие по смыслу термины: «предпосылки» [4, с. 74], «первые формы права» [10, с. 80], «источник права» [19, с. 216] и др. Важно заметить, что значительное число российских правоведов используют полисемичный термин «источник права» в том числе и для обозначения хронологически изначальных раннеправовых норм, таких как обычай, правовой обычай, прецедент, судебное решение и т.п., которые «характеризуют происхождение, генезис

права» [8, с. 4], включая формирование религиозных правовых систем [15, с. 43-47].

Подобно продолжающемуся с XIX в. в рамках монистического и плюралистического подходов обсуждению источников и форм права в постсоветской юриспруденции возникла многоаспектная, в том числе и категориально-терминологическая, полемика о сути истоков права. Одни авторы понимают под ними широкий спектр «обстоятельств, обусловивших появление права и его действие» [9, с. 35-36], включая природно-географические, демографические, культурологические, психологические, мировоззренческие, экономические, политические, военные и иные факторы. По сути, в данном случае под истоками права понимается «устойчиво существующая и всякий раз субъективно определяемая совокупность разнообразных правообразующих факторов» [18, с. 25].

Другие авторы считают, что истоки права следует искать в «истоках нормотворчества», в порождающей право субстанции, считая, что «общество, народ – это основа формирования права, его основной источник» [3, с. 49].

Третья, «философская», группа авторов к истокам относит различного рода априорные и онтологические основания, порождающие право «в качестве транс- и кросскультурного феномена сохранения человеческой способности сосуществовать и сохранять свою социабельность» [6, с. 29]. У философов, начиная с И. Канта, упоминается такое объективное основание как свобода индивида, а также субъективные основания, выражением которых выступает «готовность, воля индивидов и образуемых ими народов к актуализации своей потенциальной правовой сущности, к завершению генезиса своей человеческой природы, к переводу права из возможности в действительность – его реализация в социальных отношениях» [14, с. 170].

Наконец, еще одна группа авторов, «историко-антропологическая», склонна усматривать истоки права в социальных нормах глубокой древности [1], и даже в первобытном обычном праве [4], в частности, в первобытных табу [25, с. 214], или же в квазиправовых зачатках принципиально нового регулятора социальных отношений, возникших с появлением института частной собственности в ходе «неолитической революции» [21]. Причем речь в данном случае идет не только о событиях 9–4 тыс. до н.э., но и гораздо более поздних, практически современных периодах, поскольку история права с глубокой древности циклически повторяется по одним и тем же схемам [24, с. 1].

Следует признать, что каждая приведенная выше позиция имеет право на научное существование и употребление постольку, поскольку в русском языке термин «исток» имеет различные толкования, так же, как и термин «право». При этом выделенные группы отличаются между собой не только вследствие различных подходов к правопониманию, что более заметно при рассмотрении источников права (см. подр.: [11]), но также и в рамках одного подхода вследствие различного понимания собственно «истоков», обусловленного многообразием способов и форм внешнего выражения права.

Поскольку одной из важных задач науки теории права является перманентная оптимизация понятийного аппарата, целью данной статьи стала попытка обоснования необходимости выделения «истоков права» из обширной и разношерстной категории источников права. При этом предлагается заменить в дискуссии философско-умозрительные аргументы эмпирическими данными юридической антропологии, которые

позволяют гораздо более наглядно определить грань между до-правовым нормативным регулированием и квазиправовыми/раннеправовыми зачатками нового регулятора социальных отношений, определить черту, качественно отделяющую возникавшие правовые обычай от эгалитарного нормативного регулирования родового общества – мононорматики.

Разобраться в вопросе истоков и хронологически древнейших источников права возможно лишь посредством методов юридической антропологии, изучающей соционормативную культуру синполитейных (современных) первобытных этносов, а также ее пережитки в более продвинутых в социальном отношении этнических общностях (см. подр.: [\[5, 21\]](#)). Этому содействует концепция мультилинейного неоэволюционизма, допускающая корректное обобщение и использование этнологических материалов по современным первобытным обществам как для реконструкции дописьменного прошлого человечества в целом, так и для реконструкции генезиса права и государства, в частности.

При детальном рассмотрении нормативной культуры синполитейных обществ в их стадиальном развитии становится очевидным различие между принципами и системами нормативного регулирования раннепервобытного (родовая община) и позднепервобытного (соседская община) обществ. В первом, с его простейшими социально-экономическими отношениями, для эффективного регулирования было достаточно столь же простых, доступных и общепонятных обычаем-мононорм, а право, по словам американского правоведа У. Сигла, в столь примитивном социуме выглядело бы «излишней роскошью» [\[35, с. 289\]](#).

В эпоху становления науки современного типа, на волне эволюционизма второй половины XIX в., одним из первых, кто попытался противопоставить опиравшимся на умозрение представителям различных правовых школ и теорий конкретные аргументы из истории, этнологии и антропологии, был известный английский юрист и социолог права Г. С. Мэн. На основе анализа античных и индуистских источников он фактически первым заявил, что право возникает в результате отделения от морали и религии [\[29, с. 141\]](#). Будучи большим знатоком древнегреческого и римского материала, он усмотрел там первое проявление права в решениях царских судов – фемистах (по имени богини Фемиды), влиявших на дальнейшее формирование правовых обычаем. Причем Мэн подчеркивал, что фемисты предшествовали возникновению обычаем, «как бы сильно мы с нашими современными представлениями ни были склонны утверждать *a priori*, что понятие обычая должно предшествовать судебному решению, и что суд должен основываться на обычай или наказывать за его нарушение...» [\[29, с. 4-5\]](#).

Материалы юридической антропологии по ранненеолитическим племенам многократно подтверждают, что судебные прецеденты лежали в основе формировавшихся правовых обычаем. Так, известный американский юрист К. Н. Ллевеллин и не менее известный антрополог Э. А. Хёбель отметили в своей совместной работе, что тщательно подобранные и изученные проблемные кейсы являются самым достоверным путем к постижению феномена права [\[28, с. 29\]](#). В качестве обоснования этих слов можно привести конкретный кейс, описанный этими исследователями у индейцев шайенов, когда совет вождей, столкнувшись с невозможностью урегулирования возникшего между двумя воинами конфликта, установил «новое правило»: нельзя брать лошадей без спроса, в противном случае нарушителя помимо насилиственного возврата имущества ожидало строгое физическое наказание [\[28, с. 127\]](#).

Упомянутый кейс наглядно демонстрирует, что институт собственности на тот момент лишь начал утверждаться в шайеннском обществе и требовал совершенно новых, правовых, обычаев, поскольку не мог быть урегулирован прежними уравнительными мононормами. Институт собственности буквально разъедал изнутри исчезающее единство родовой общины, порождая многочисленные конфликты, новые общественные отношения, а также нормативные институты и процедуры. Важно заметить, что подобного рода проблемных кейсов, зафиксированных у различных туземных племен колониальными администраторами, учеными, путешественниками, миссионерами и иными очевидцами в XIX – нач. XX вв., и свидетельствующих о появлении зачатков права задолго до возникновения института государства, в материалах юридической антропологии из разных уголков ойкумены содержится немало [\[12, 23, 26, 27, 30-34\]](#).

Хотя в задачи данной статьи не входит поиск и определение собственно истоков права, следует заметить, что авторская позиция прочно увязывает их с социально-экономическими последствиями так называемой неолитической революции [\[21\]](#). В англоязычной историографии в первой половине XX в. широкую известность получило мнение, что неолитический «суд», включая вплотную приближенные к суду вариации добровольного арбитража по промыслово-сырьевым спорам [\[36, с. 34\]](#), решая в пределах всего племени неурегулированные никакими нормами споры и конфликты, стал генератором прецедентных решений, практически никак не связанных со старыми мифами, богами или героями. На их основе как стихийно, так и целенаправленно через совет племени формировались принципиально новые по содержанию и структуре казуальные правовые обычаи, направленные уже не только на физическое наказание или изгнание, сколько на урегулирование конфликта, уплату штрафа и материальную компенсацию.

Сторонники доминирующего в отечественном правоведении позитивизма вряд ли согласятся с подобным мнением в силу того, что вопреки объективным историко-антропологическим фактам продолжают прочно увязывать генезис института права с институтом государства. Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание научного сообщества на тот момент, что вне зависимости от принадлежности к той или иной школе правопонимания, следует признать, что институт права имел свои истоки, феномен которых требует отдельного научного рассмотрения, причем не только в контексте источников права.

При формальном многообразии толкования термина «исток» в словаре русского языка имеется два его основных значения: в прямом, гидрологическом, смысле и в переносном – «начало, первоисточник чего-либо». В такой коннотации должно прослеживаться определенное генетическое единство и совершенно очевидно, что ни общество, ни народ, ни многочисленные факторы и обстоятельства, просто не могут выступать в роли истоков права, поскольку семантически относятся к другим категориям. Также представляется некорректным поиск истоков права в воле, поскольку этот философский подход не проводит четкой грани между правом и предшествовавшим ему соционормативным регулятором. Кроме того, воля лежит в основе практически любой осознанной и целенаправленной деятельности как индивида, так и коллектива.

Подобно тому как началом реки является ручей, а человеческой жизни – младенчество, представляется правильным рассматривать истоки права в качестве генетически обусловленного хронологического начала феномена права или, по словам С. С. Алексеева, «исторически первичных источников» права [\[2, с. 204\]](#).

Применительно к категории «источники права» следует заметить, что ее избыточная полисемичность является сегодня одной из проблем в теории государства и права, о чем свидетельствует сохраняющаяся среди многих правоведов и нарушающая семантическую логику тенденция к отождествлению форм и источников права. До сих пор понимание этого феномена даже у авторов-позитивистов варьирует в широком диапазоне. Чаще всего встречается бинарное деление источников права на первичные и вторичные, внутригосударственные и международно-правовые, основные и дополнительные, официальные и неофициальные, писанные и неписанные, традиционные и нетрадиционные, типичные и нетипичные, классические и модифицированные и др. [16].

Очевидно, что в этом ряду несколько особняком стоит деление источников права на «первичные» (в англоязычной историографии – *origins of law*), положившие когда-то в глубокой древности начало институту права, и «вторичные» (*sources of law*), функционально подпитывающие право вплоть до современности. На этом основании вне зависимости от подхода к пониманию права представляется логичной необходимость выделения «первичных» источников права в отдельную теоретическую категорию «истоков права» с перспективой ее закрепления в теории государства и права.

Что касается практической значимости такого выделения, то, как бы парадоксально это ни звучало, возможно, именно поиск и фактологически обоснованное выявление хронологически древнейших истоков права в трансформировавшейся системе нормативного регулирования потестарно-раннеклассового общества является в перспективе ключом к попытке выработки если не общепринятого, то относительно универсального, интегративного, определения права.

Библиография

1. Авакян Р. О. Памятники армянского права, их истоки и взаимодействие с правом других народов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 2. С. 35–48.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
3. Антоненко Т. А., Милявская Ю. В. Истоки и источники права в демократическом государстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 8 (87). С. 46–51.
4. Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 71–78.
5. Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 28–36.
6. Гребеньков Г. В. Об априорных основаниях права // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 12А. С. 20–32.
7. Истоки и источники права : генезис и эволюция : монография / Под. ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Алетейя, 2023. 482 с.
8. Калинин А. Ю., Комаров С. А. Форма (источник) права как категория в теории государства и права // Правоведение. 2000. № 6. С. 3–10.
9. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex Russica. 2011. № 1. С. 34–53.
10. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М.: РАГС, 2000. 189 с.
11. Марченко М. Н. Источники права. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 760 с.
12. Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983. 301 с.
13. Нижник Н. С., Ромашов Р. А., Сальников В. П. Истоки, источники, формы права: некоторые проблемные аспекты понимания и соотношения // Истоки и источники права: очерки / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет

- МВД России, 2006. С. 9–17.
14. Пристенский В. Н. Типология человечества в контексте антропологии права: историческая ретроспектива и возможные перспективы (Социально-философский анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9. № 46. С. 169–177.
  15. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4 (43). С. 43–47.
  16. Сильченко Н. В. Классификации источников права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. /отв. ред. проф. В. Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ, 2013. Вып. 12. С. 49–59.
  17. Спирин М. Ю. Материалистическая юридическая доктрина о материальном истоке и волевом источнике права // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 166–172. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.020
  18. Спирин М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1 (4). С. 23–28. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-23-28
  19. Сухолинский П. Р. На пути к праву и государству: становление политических и правовых явлений в догосударственный период социального развития. М.: МАКС Пресс, 2010. 264 с.
  20. Сырых В. М. Конфликт ведущих теорий права в российском правоведении: прошлое, настоящее и будущее // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 13–23. DOI: 10.20310/2658-5383-2022-5-13-23
  21. Шепталин А. А. Об истоках права с позиций юридической антропологии // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 3. С. 35–47. DOI: 10.12737/jrl.2022.027
  22. Шепталин А. А. О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства // Вестник Удмуртского ун-та. Серия Экономика и право. 2016. Вып. 2. С. 137–143.
  23. Barton R. F. Ifugao Law. Berkeley, 1919. 186 p.
  24. Diamond A. S. Primitive Law. 2nd ed. London, 1950. 451 p.
  25. Hartland E. S. Primitive Law. London, 1924. 222 p.
  26. Hoebel E. A. The Law of Primitive Man: A Study In Comparative Legal Dinamics. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 357 p.
  27. Hogbin H. I. Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions. London: Christophers, 1934. 296 p.
  28. Llewellyn K. N., Hoebel E. A. The Cheyenne Way: Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence. Norman: University of Oklahoma Press, 1941. 360 p.
  29. Maine H. S. Ancient Law. 10th ed. London: John Murray, 1908. 415 p.
  30. Malinowsky B. Crime and custom in savage society. London, 1926.
  31. Pospisil L. Papuans and Their Law. New Haven, 1958. 296 p.
  32. Rattray R. S. Ashanti Law and Constitution. Oxford, 1929. 420 p.
  33. Sarbah J. M. Fanti Customary Laws. London, 1904. 317 p.
  34. Schapera I. A. Handbook of Tswana Law and Custom. Oxford University Press, 1938. 328 p.
  35. Seagle W. Primitive Law and Professor Malinowski // American Anthropologist. 1937. Vol. 39. № 2. P. 275–290.
  36. Seagle W. The Quest for Law. New York: A. A. Knopf, 1941. 439 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема обоснованности выделения категории «истоки права» в теории государства и права. Ученый отмечает, что "... в задачи данной статьи не входит поиск и определение собственно истоков права". Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, герменевтический, исторический, сравнительно-правовой методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована достаточно подробно: "Еще в советский период, т. е. при явном доминировании квазимарксистского позитивистского подхода в правопонимании, эта тематика затрагивалась в связи с вопросом об источниках и формах права, но относительно широкое внимание отечественных исследователей она привлекла лишь сравнительно недавно [9, 13, 17, 18]. Несомненно, на новый уровень изучение истоков права должно выйти после апробации в научном сообществе давно ожидаемой коллективной монографии «Истоки и источники права: генезис и эволюция» [7], изданной весной 2023 г.". Следует согласиться с ученым в том, что "Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что феномен истоков права по объективным причинам игнорируется большинством сторонников различных направлений позитивистского подхода...".

Научная новизна исследования проявляется в следующем: "Поскольку одной из важных задач науки теории права является перманентная оптимизация понятийного аппарата, целью данной статьи стала попытка обоснования необходимости выделения «истоков права» из обширной и разношерстной категории источников права. При этом предлагается заменить в дискуссии философско-умозрительные аргументы эмпирическими данными юридической антропологии, которые позволяют гораздо более наглядно определить грань между до-правовым нормативным регулированием и квазиправовыми/раннеправовыми засадками нового регулятора социальных отношений, определить черту, качественно отделяющую возникавшие правовые обычаи от эгалитарного нормативного регулирования родового общества – мононорматики". Безусловный интерес для читательской аудитории представляют заключения автора о том, что "Материалы юридической антропологии по ранненеолитическим племенам многократно подтверждают, что судебные прецеденты лежали в основе формировавшихся правовых обычаев"; "... вне зависимости от принадлежности к той или иной школе правопонимания, следует признать, что институт права имел свои истоки, феномен которых требует отдельного научного рассмотрения, причем не только в контексте источников права"; "... вне зависимости от подхода к пониманию права представляется логичной необходимость выделения «первичных» источников права в отдельную теоретическую категорию «истоков права» с перспективой ее закрепления в теории государства и права". Статья, безусловно, вносит определенный вклад в развитие отечественной науки теории государства и права.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель. В основной части работы ученый, перечисляя предлагаемые в литературе теоретические подходы к пониманию категории "истоки права", осуществляет их итоговый критический анализ и вырабатывает свой оригинальный подход к исследованию данной проблемы. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 36 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили раскрыть автору поднимаемые в статье проблемы с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Т. В. Кашианина, Г. В. Мальцев, Т. А. Антоненко, М. Ю. Спирин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется ученым корректно. Суждения автора по спорным вопросам обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... вне зависимости от подхода к пониманию права представляется логичной необходимость выделения «первичных» источников права в отдельную теоретическую категорию «истоков права» с перспективой ее закрепления в теории государства и права. Что касается практической значимости такого выделения, то, как бы парадоксально это ни звучало, возможно, именно поиск и фактологически обоснованное выявление хронологически древнейших истоков права в трансформировавшейся системе нормативного регулирования потестарно-раннеклассового общества является в перспективе ключом к попытке выработки если не общепринятого, то относительно универсального, интегративного, определения права") и заслуживают внимания читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории и истории государства и права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Егоров Д.И. Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.40680 EDN: COTCDN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40680

Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота

Егоров Денис Иванович

кандидат исторических наук

независимый исследователь

129128, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Бажова, 15.1, кв. 85

 denyegorov1981@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.40680

EDN:

COTCDN

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2023

Аннотация: Прагматический поворот и философия прагматизма в версиях Х. Патнэма и Р. Бернстайна представлены в виде общих эпистемологических установок наиболее перспективных направлений исторической мысли в США. Под их методологическим влиянием в центре исследовательских интересов оказались практики повседневности и исторический опыт рационализации деятельности. Изменились представления о взаимосвязи макро и микро-уровней исторической действительности, произошел отказ от детерминизма, появились новые формы исторического описания. Цель автора заключается в раскрытии содержания данных понятий, определении их роли в конкретных исследовательских областях, а также в попытке охарактеризовать специфику американского варианта прагматического поворота. В первой части статьи проведен анализ наиболее значимых тенденций для развития исторической науки США, связанных с коррекцией мировоззренческих идей и познавательных принципов философии прагматизма. Во второй части статьи ключевые тезисы, концепты, понятийно-терминологический аппарат работ ведущих специалистов по транснациональной, социальной, экологической, правовой истории соотнесены с теоретическими

положениями прагматического поворота в социально-гуманитарном знании. Представлен многоаспектный обзор развития современной американской историографии. Описаны пути разрешения предшествующих научных противоречий и конструирования новых вариантов национальной идентичности, способы обновления методологического арсенала и актуализации исторического знания.

Ключевые слова:

прагматизм, прагматический поворот, практики, опыт, конструктивизм, акторы, социальная история, экологическая история, правовая история, транснациональная история

Ключевые тенденции развития современной американской историографии сформировались в русле противоречий, которые переживала историческая наука в последней трети прошлого века. С одной стороны, фрагментация и установка на идеино-теоретический плюрализм обеспечивали рост количества методологических инноваций и исследовательских областей. С другой, происходило размытие базовых национальных идей и нарративов о них, содержания тезисов социальных концептов модернистского типа, профессиональных критериев работы историка. Показателен пример дискуссий вокруг книги П. Новика «Эта благородная мечта: «вопрос объективности» и американская историческая профессия». Ее автор констатировал, что на фоне дисциплинарной фрагментации была похоронена идея теоретического синтеза, произошла утрата критериев, на основе которых было бы возможно согласовывать мнения историков по спорным проблемам [24, р. 415]. «Вопрос объективности» попросту стал излишним. Оппоненты Новика привели немало аргументов, доказывающих утрированный характер его выводов, но сама критика произвела столько разногласий «вопроса объективности», что скорее способствовала подкреплению его утверждений.

Подобные издержки неуклонно множились, усугубляя состояние методологической неразберихи, влекли увеличение объема одиозных исследований и обсуждений, снижали социальную значимость исторического знания. Один из оппонентов Новика Дж. Клоппенберг понимал, что недостаточно сформулировать обоснованную критику релятивистских взглядов, но следует обозначить линию преемственного развития американской историографии, определить точки консенсуса в вопросах научных оснований исторического знания и положениях профессиональной этики. Все эти возможности он усмотрел в коренной американской философии прагматизма и ее гносеологических установках: перспективизм (не все точки зрения равнозначны, но ни одна не имеет привилегированного доступа к объективности), фаллибилизм (любое знание промежуточно) и инструментализм (теории и понятия – адаптивные средства освоения реальности). Со времени своего зарождения в XIX в. прагматизм способствовал разрешению идейных противоречий, а его важнейшее эпистемологическое значение заключается в определении «золотой середины» при конфликте мнений и определении критериев их национальной оценки. Вне зависимости от идеологических и теоретических предпочтений ведущие историки США, по мнению Клоппенберга, вдохновлялись работами Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи. Их взгляды продолжают активное развитие в наши дни, историки же охотно опираются на них, сталкиваясь с актуальными сегодня проблемами классовых, этнических, религиозных, правовых, гендерных и иных видов противоречий [21, р. 202-203, 222-223].

Теоретико-методологический аспект темы

Становление и развитие идейных основ философии прагматизма в конце XIX - нач. XX вв. в таком неоднородном государстве как США было отображением поиска путей решения этнических и социальных конфликтов ради общего блага, а также поиска способов приспособления мирового научного наследия к собственным нуждам. [\[25, р. 907-908\]](#).

К середине 30 годов XX в. на фоне устаревания ранкеанской и позитивистской академической традиции к эпистемологическим установкам прагматизма в значительной мере начали проявлять внимание историки: первоначально как к средству методологического обновления дисциплины. Отказавшись от бытовавших объективистских канонов, ими предпочитали руководствоваться представители «прогрессистской» школы (Ф. Тернер, Ч. Бирд, К. Беккер), существенно обогатившие изучение социально-экономической тематики. Позднее оппоненты «прогрессистской» школы из школы «консенсуса» выдвигали обвинения, что прагматизм был использован для оправдания субъективизма и презентизма. Сами же, фактически разделяя прагматический тезис о соответствии полезных верований истине, учреждали согласие историков, целью которого было сглаживание неоднозначных политических и общественных вопросов американской истории. Методология прагматизма изображалась в виде «среднего пути» популярного в то время спора идеалистов и материалистов [\[21, р. 207-212\]](#).

С 60-х годов, в связи с освоением методологии аналитической философии и структурализма, интерес к прагматизму снижался. Его даже именовали «провинциальной философией». Однако в 80-х годах, уже на фоне лингвистического поворота и постмодернистского вызова рационалистической традиции, стала остро ощущаться потребность возврата к нему. В европейской и американской социологии того времени формировалось направление «прагматической социологии», ориентированной на решение прикладных задач с отказом от фундаментализма и во многом опирающейся на инструментализм. Прагматический поворот непосредственно не связан с философией прагматизма, а является обобщенным названием направления исследований, посвященных многоаспектному анализу деятельности в рамках ее структурных ограничений и возможностей, в системе отношения мотивов акторов к результатам своей деятельности [\[16, р. 133-134\]](#). Подобный акцент позволял отстраниться от тупиковых теоретических споров 80-90-х гг.

Историки США также откликнулись на данные веяния, открывавшие перспективы создания нового формата исследований и преодоления методологической анархии, образовавшейся под влиянием постмодернизма. В исторической науке прагматический поворот выражается смещением исследовательского акцента с изучения развития общественных отношений к изучению социальных практик и их исторической специфики [\[2, с. 405-407\]](#). Это нашло отображение в работах представителей активно развивающихся отраслей исследований сегодня: транснациональная, социальная, правовая, экологическая истории и др.

Следование положениям прагматического поворота привнесло характерные корректизы в работу историков:

- пересмотрено взаимоотношение макро и микро-уровней исторической действительности, так как по макро-уровнем стало пониматься длительное и регулярное

воспроизведение акторами однотипных ситуаций;

- в центр анализа ставятся мотивы акторов, условия и особенности их деятельности, а не роль детерминирующих факторов и социально-исторических закономерностей;

- изменились способы исторического описания: контекстуальное и процессуальное описание пришло на смену объяснительным моделям на основе причинных понятий.

В США прагматический поворот наиболее тесно сблизился с философией прагматизма, способствуя разрешению накопившихся научных разногласий. Без преувеличения его можно назвать ведущей методологической тенденцией на данный момент. Полидисциплинарный характер, способность интегрироваться с предшествующими и инновационными подходами, умение приспосабливать исследовательские проекты к меняющимся реалиям – все это позволяет предположить, что длительное время он будет сохранять научно-познавательную перспективу и социальную значимость. Прагматизму же вновь было определено значение «среднего пути», теперь между тенденциями к догматизму в объективизме и скептицизму в релятивизме. Теоретическое обоснование своих работ историки активно подкрепляют ссылками на Х. Патнэма и Р. Бернстайна, внесшим вклад в обновление прагматизма.

Ценными для историков теоретическими посылами работ Х. Патнэма были актуализация логики «здравого смысла» и концепция прагматического реализма. Историкам зачастую ставят в упрек, что в сущности они не обладают объектом исследования, а занимаются интерпретированием его описаний, что двойная опосредованность данных не позволяет знанию быть объективным. Х. Патнэм утверждал, что объективность возможна и в условиях отсутствия (не наблюдаемости) объекта, ведь также, как фактическое содержание описания является ценностно-субъективно нагруженным, так и ценностный аспект обусловлен фактической нагрузкой. Под объективностью следует понимать нормативную установку и свойство логической правильности суждения, а не отражательное свойство объекта. В вопросе истины прагматический реализм Патнэма нацелен на снятие субъект/объектной дилеммы: сознание и мир совместно созидают сознание и мир [\[4, с. 9-13\]](#). Прагматический реализм – это процесс снятия сомнений или необоснованных верований, в результате которого формируются рациональные верования, что соответствует истине. Таким образом, сведя объективность к правильности суждений, а истину к отсутствию сомнений, Патнэм обозначал точки отчета для продуктивной познавательной деятельности, позволяющей избегать односторонности метафизического реализма и культурно-исторического релятивизма.

Работы Р. Бернстайна приобрели популярность у американских историков, так как в них раскрывается тезис, что прагматизм – это философия демократии. Чаще всего обращаясь к идеям Ч. Пирса, Р. Бернстайн разрабатывал концепцию коммуникативной рациональности, где рациональность понималась в виде результата конструктивной дискуссии в поиске наилучшего варианта. Низкая продуктивность научной коммуникации, по его мнению, сводится к двум причинам, противостоящим демократическому знанию. Во-первых, различные «измы» стремятся обосновать не свою полезность, а свои основания. Во-вторых, плюрализм не верно понимают, как равнозначную ценность любых гипотез. Прагматизм – средство эффективного диалога, способное преодолеть издержки монизма и плюрализма [\[9, р. 1, 15-22\]](#). Принципами прагматической познавательной деятельности Р. Бернстайн обозначает: антифундаментализм, «сильный» плюрализм, открытость публичной критике. В ракурсе коммуникативной рациональности истине отводится роль работающей гипотезы.

Работы Х. Патнэма и Р. Бернстайна существенно не реформируют идеи классиков прагматизма, в них отражены все те же перспективизм, фаллибилизм и инструментализм. Однако оберегают их от упрощённых трактовок, от использования в целях деструктивной критики и обоснования волюнтаризма. Возрождение прагматизма в виде учения о принципах продуктивной познавательной деятельности и эффективной реализации методологических возможностей, знаменовало очередной этап развития американской историографии с новыми взглядами на рационализацию исторического опыта. За этой рационализацией зачастую понимаются очередные формы идейной консолидации общества и теоретического синтеза исторического познания.

Ранее идейные консолидации с опорой на прагматизм выражали концепции «плавильного котла», «теория согласованных интересов» и др., в которых обращение к историческому наследию было призвано сглаживать коллективные разногласия ради общего поступательного развития. Сегодня идейная консолидация выражена в формах мультикультурализма и гражданской инклюзивности, в которых анализ повседневно-практической деятельности различных групп (по гендерному, классовому, расовому, религиозному и др. признаку) раскрывает их исторический вклад в развитие американского общества и демократии [\[19, р. 279-290\]](#).

Поиски теоретического синтеза в русле прагматического поворота осуществляются на поли-дисциплинарной основе [\[28, р. 25\]](#). Это сотрудничество специалистов разных областей (историков, лингвистов, социологов, психологов и т.д.) в работе над общей проблемной тематикой. Сопоставление различных экспертных мнений и обнаружение точек соприкосновения признается результатом в наибольшей степени соответствующим достоверности. В американских исторических изданиях последних лет зачастую публикуют не только историков, но авторами около половины статей сборников могут быть специалисты других профессий.

Проведение исследований в стиле прагматического поворота предполагает изменение мышления историков. Социальные практики и опыт, формы исторической памяти – данные объекты изучения не могут быть раскрыты средствами причинно-следственного и факторного анализа. Подобные подходы представляются как упрощающие редукции, которые влекут крайности объективизма и релятивизма. Первое характерно для исторических взглядов с привлечением версий социального детерминизма, второе – при опоре историков на лингвистический детерминизм [\[5, с. 141-146\]](#).

Социальный детерминизм при объяснении исторических процессов и явлений представлен главным образом опорой на теории К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Их труды являются фундаментом трех наиболее значимых направлений социальной историографии: исторический материализм, школа Анналов (I и II поколение) и технолого-модернистские концепции развития. Каждое из направлений выражает свой вариант социологизации истории и социального детерминизма. В самой же социологии длительное время происходил кризис доверия к авторитетам, развивался процесс, который напротив можно назвать историзацией социального [\[6, с. 8-11\]](#). Само понятие социализации стало означать не включение индивидов в общественные отношения с усвоением их норм, а наследование, переживание, проверка, воспроизведение и преобразование опыта. Данные социальные практики описываются на примерах конкретных ситуаций, но через конкретику раскрываются их общие и универсальные черты. Таким образом понятие опыта преодолевало несопоставимость микро и макроуровней социальной реальности, которыми отдельно занимались «полевые» социологи и теоретики социального детерминизма. Классовая структура, ментальность,

связь коллективных ценностей с хозяйственно-управленческой деятельностью и др. – лишь одни из граней социального, к которым не должно сводиться его определение. Они являются и результатами повседневных практик, и их структурными основаниями. Данные положения объединяет работы П. Бурдье, Э. Гидденса, Б. Латура, Г. Гарфинкеля и других ученых, чьи концепции определяют лицо современного обществознания.

«Прагматическая социология» способствовала возрождению интереса к социальной истории, ранее пребывавшей в состоянии кризиса из-за разногласий сторонников различных вариантов социального детерминизма. Они провоцировали идеологические споры, что отражалось на научном престиже отрасли, влекло потерю доверия в объективности интерпретаций. Теперь исторический материал был предназначен для иллюстрации роли различных аспектов межличностных отношений, таких как солидарность, коллективная травма, привычки и пр. Общими мотивами подобных работ были, во-первых, «поворот к человеку», с акцентированием внимания на переживаниях, мотивах и особенностях деятельности акторов в конкретных пространственно-временных условиях. Во-вторых, общим для них является тезис, что успех реализации деятельности связан с уровнем общественной консолидации, учетом интересов всех легитимных групп. В динамике это означало, что ключевым направлением социально-исторического процесса является поступательная демократизация различных сфер общественных отношений [1, с. 161, 163-164]. Прагматизм, как философия демократического знания, нацеливает на многофакторный и взаимосвязанный анализ событий и процессов, в оценочных критериях упор делается на определение степени эффективности деятельности акторов.

С позиции лингвистического детерминизма историописание представляется главным образом как разновидность словесного творчества. В умеренном варианте он уже присутствовал в теоретических взглядах неокантианцев, утверждавших, что в историческом познании, имеющем субъективно-ценостный характер, выбор описательных средств играет преимущественную роль. В периоды усиления сциентизма в американской историографии под влиянием неокантианства неоднократно возникали дискуссии о роли риторики и эстетики в актуализации прошлого. Однако значения ведущей методологической тенденции они не обрели.

Ситуация изменилась с началом популяризации постмодернизма, широко распространившегося в интеллектуальной среде США. Он стал мощным критическим инструментом и направлением поиска новых форм исторического знания в период становления постиндустриальной эпохи. Присущий постмодернизму лингвистический детерминизм был использован для дискредитации академической историографии, путем преувеличения значимости образного и эстетического аспекта в исторических сочинениях, что приводило к отождествлению их с художественной литературой. Лингвистический поворот обернулся «семиотическим вызовом» дисциплине [28, р. 1-2]. Последователи данного направления утверждали, что в исторических понятиях отсутствует согласованность и прямая связь с объектным содержанием, поэтому они скорее являются метафорами, чем определениями. Подобная позиция хотя и способствовала устранению упрощенного объективизма, но в силу своего радикального релятивизма оказалась тупиковой. Понадобился возврат к более традиционным версиям прагматизма.

В качестве отхода от лингвистического детерминизма в русле прагматического поворота в историографии произошло смещение внимания от анализа символического аспекта исторических текстов к анализу семантического аспекта [18, р. 63]. В частности, речь шла

об ответе на постмодернистскую критику так называемых Больших историй (национальные истории, истории цивилизаций, концепции прогресса и др.), которые в силу идеологической ангажированности и по признакам соответствующей риторики определяли разновидностью социального мифотворчества, продуктами нарративизации и иными производными дискурсивной реальности. Представители прагматического поворота частично соглашаются с подобными утверждениями, так как полагают, что они способствуют развитию критического и саморефлексивного мышления историков. Однако в формировании исторических представлений не менее важное значение отводится роли внедискурсивной реальности [12, р. 44-45], то есть эмпирической данности повседневности, которая сказывается в прагматике смыслового содержания исторических текстов. Большие истории в разные периоды развития отображают свойственные им практики рационализации исторического опыта. Сегодня мир объединен хозяйственными связями, информационным пространством, экологическими проблемами – все это требует создания нового формата Больших историй, повествование которых раскрывало бы в мультикультурном плане взаимосвязанность мирового развития, схожесть практик повседневной деятельности, общность целей, мотивов, ценностей.

Равно как происходила историзация социальных учений, было предложено историзировать текстуализацию [8, р. IX-XII] – процесса актуализации определенного дискурса в зависимости от контекста. Когда постмодернисты осуществляют критический дискурс анализ исторических нарративов, то как правило свои аргументы подкрепляют критикой присутствующей в них политической риторики, которую авторы выдавали за научную точку зрения. Но текстуализацию истории не обязательно связывать с политическим контекстом. История действительно тесно связана с дискурсом власти, однако, по мере социального развития свою историческую идентичность стремятся обрасти все больше групп населения, приобретающих свой голос. В современной историографии свое прошлое раскрывают для себя различные малые группы, ранее считавшиеся маргинальными. Их исторические нарративы не создаются в русле характерных для политизированных историй логик: свои/чужие, господствующие/подчиненные, развитые/отсталые и т.п. В них выражена новая форма текстуализации – идея обретения истории как признака расширения сферы равноправия, которой ранее обладали отдельные элиты, сословия, классы.

Итак, на материале исторических практик повседневности прагматический поворот стал катализатором развития историографии США в нач. XXI в., возвращая ее к рационалистической традиции и осовременивая либерально-демократические идеи, консолидирующие американское общество. Под самой повседневной историей не следует понимать прежние микро-истории о быте прошлого. Быт, рутина, привычки и т.п. стали контекстом функционирования практик и приращения опыта, которые специфичны в зависимости от структурных свойств той или иной сферы общественной жизни.

Прагматические тезисы в отдельных исследовательских отраслях

В сфере отраслевых исследований прагматический поворот проявляется не в виде следования определенной теории с характерными для нее положениями и закономерностями. Признаками его методологического влияния являются схожий исследовательский инструментарий и общее дискурсивное поле, которые выражают такие понятия как опыт, практики, акторы-агенты, обновленный компаративный метод, контексттуальный анализ. Изучаются механизмы заимствования, легитимации, вытеснения прежних и становления новых способов деятельности и ее рационализации.

Общая когнитивная стратегия заключается в формулировании новых форм синтеза между тезисами и антитезисами предшествующего исследовательского опыта, а также предварительная деконструкция с последующим расширением значения понятий, на основе которых конструируется историческая идентичность. Рассмотрим признаки поворота к прагматизму и его роль в развитии таких перспективных отраслей в историографии США как транснациональная история, социальная история, экологическая и правовая история.

Исследования в ракурсе транснациональной истории следует отличать от работ по истории международных отношений и глобализации в духе модернист-прогрессистского дискурса, а также от постколониальных исследований, тесно связанных дискурсом постмодернизма. Они возникли на материале изучения миграционных процессов, этнических диаспор, впечатлений иностранцев о США [\[22, р.13-15\]](#). Их принадлежность к прагматическому повороту выражает акцент на анализе практик культурного обмена, преодолевающего национальные границы: «наиболее эффективными транснациональными историческими исследованиями являются те, которые исследуют, как культурные практики и идеологии формируют, ограничивают или способствуют экономическим, социальным и политическим условиям, в которых люди и товары циркулируют в местном, региональном и глобальном контекстах» [\[11\]](#).

Наиболее примечательным для историографии США является переосмысление понятия американской нации или «денатурализации нации» в транснациональном понимании. «Денатурализация» - отказ от телеологии и нарративов о неких изначальных сущностях (идейных, ментальных, институциональных и т.д.) характеризующих национальную идентичность. Нация описывается в виде актора, воспринимающего и преобразующего опыт в соответствии с насущными мотивами и потребностями. Важным источником опыта представляется культурный обмен, привносимый миграционными волнами. До XIX века преобладала европейская миграция со своим «культурным багажом», поэтому типичным было самоопределение США как Атлантической державы. В конце XIX в., когда стала происходить масштабная азиатская эмиграция, и особенно после Филиппинской войны, прежние границы национальной идентичности были преодолены, так как США во много стала и Тихоокеанской державой [\[29, р. 1-10\]](#).

Подобные формулировки преследовали две цели. Во-первых, консолидирующую - сглаживание этнических противоречий внутри страны. Во-вторых, конструирование новых форм Больших нарративов, которые должны занять достойное место на ряду с прежними всемирными историями. Согласно распространенным представлениям глобализация развивалась в три этапа: установление общих торговых связей в период Великих географических открытий; образование общих производственных и рыночных цепей в период колониализма; формирование общего культурного пространства в современный период. США, как страна эмигрантов, имеет самый внушительный исторический опыт культурного обмена и продуктивного интернационального синтеза. Ее важнейшая мировая роль заключается в распространении этого опыта. Как ранее национальные истории служили идеям национального самоопределения, теперь транснациональные истории служат идеям глобализации [\[22, р.10\]](#). В этом заключается их прагматический смысл.

Прагматический поворот способствовал обновлению социальной истории, ранее переживавшей утрату лидирующих позиций на фоне популяризации культурологических трактовок общественных явлений. Произошла смена исследовательских приоритетов, которую называют переходом от социальной истории к истории общества [\[12, р. 33-34\]](#).

Исследования модернистского типа, предназначенные иллюстрировать на историческом материале структуру и динамику развития какой-либо теоретической модели социальной стратификации (по классовому, имущественному, правовому или гендерному признаку), были оттеснены огромным количеством работ неподдающихся обобщению. Общим их признаком было лишь то, что объектом анализа обозначалась та или иная практика общественной жизни. Образно говоря, акцент сместился от анализа стратегий общественного развития к анализу тактик и логистик. Однако происходило не просто увеличение количества исследований эмпирического типа. Именно содержание организационных, коммуникативных, рутинных практик повседневной деятельности и их специфика в зависимости от условий стали определяющими исторических особенностей фундаментальных явлений: класс, государство, неравенство, статус, гендер и пр. В ответ на социологическую дилемму структура/действие, история «снизу» опровергает прямое детерминистское воздействие общественных институтов на поведение масс, это влияние рассматривается как корреляционное [16, р. 137-139].

Возвращение интереса к социальной истории происходило в связи с усилением в ней гуманистического аспекта и стремлением историков разрушать различные социальные стереотипы, рассадниками которых были в том числе и некоторые модернистские теории. Примечательно повышенное внимание к истории различных малых, локальных и некогда маргинальных групп, а также девиантного и нестандартного поведения. Если ранее обращение к подобным темам мотивировалось желанием наделить собственным прошлым людей, ранее лишенных его, то в последнее время подчеркивается роль меньшинств в общих процессах. Например, может анализироваться вклад в общественное благосостояние безработных, а их положение объясняется не тем, что они «неудачники», но недостатками системы.

Дробление социального поля с выделением все большего количества групп и субкультур размывало представления об основах гражданской солидарности и коллективной идентичности. Оба этих понятия зачастую рассматривались как взаимообусловленные. Все более признаваемым стал тезис, что чем более многоаспектна социальная дифференциация, то тем более она соответствует демократическому духу [19, р. 198-202]. Уровень социально-исторического развития характеризуется объемом возможностей акторов использовать ресурсы структур и осуществлять экзистенциальный выбор в вопросах социальной принадлежности, а также уровнем социальной мобильности. В современных условиях развитости демократических институтов коллективные идентичности утрачивают единые критерии самоопределения, произошла децентрализация идентичности: «Мы осознаем себя по-разному — как граждане, как работники, как родители, как потребители, как любители спорта или хобби, как верующие и так далее. На эти признания влияют различные виды властных отношений, и они в значительной степени обусловлены предположениями, определяющими нас как женщин или мужчин. На одном уровне эта сложность и непостоянство позиций субъекта является банальным наблюдением. Но важно то, что политика обычно ведется так, как если бы идентичность была фиксированной. Тогда возникает вопрос: на каких основаниях, в разных местах и в разное время непостоянство идентичности временно закрепляется таким образом, что позволяет индивидуумам и группам вести себя как особый тип агентов, политических или иных? Как люди превращаются в действующих субъектов, понимая себя определенным образом? По сути, политика состоит в попытке «приручить бесконечность» идентичности» [12, р.48].

В ракурсе децентрированной идентичности деятельность акторов корректнее представляется рассматривать не в виде реализации коллективных установок, а виде

агентности. Агентность – социологическая категория обозначающая способность людей к инициативному и рационализаторскому действию. Прагматическое значение использования данной категории в исторических исследованиях заключается в формулировании новых форм солидарности, в которых оценка вклада общественных групп и их включенность в производственные, демократические, гуманитарные и иные процессы освобождается от привязки к принадлежности к каким-либо «более значимым» социальным статусам [\[20, р. 188-193\]](#).

Прагматика исследований в отрасли экологической истории заключается в преодолении дуалистического рассмотрения естественно-природных и социальных процессов с целью их гармонизации [\[10, р. 201-204\]](#). Историография индустриальной эпохи была склонна изображать общественные явления в изолированном, самодетерминированом виде, в отрыве от влияния окружающей природной среды, или же ей отводилась роль пейзажа и ресурсной базы. Еще в 1967 г. один из пионеров экологической истории Р. Нэш в монографии «Дикая природа и американский разум» начал обосновывать тезис о взаимосвязи нравственных принципов общественного строя с отношением его членов к дикой природе. Условием настоящей демократии, в его представлении, должен быть отказ от утилитарного отношение к ней [\[3, с.190-198\]](#).

В современной экологической истории зачастую естественная среда представлена в виде активного стихийного участника, с которым человечеству в условиях нарастающих экологических проблем предстоит научиться сотрудничать, а не вести борьбу, как это непрерывно происходило со временем неолитической революции [\[15, р. 307-308\]](#). Предшественниками данного направления исследований были работы по локальным природным катастрофам в обособленных экосистемах, где привносимые человеком изменения в конечном итоге оборачивались против него самого. В условиях глобализации необходимость учета данного исторического опыта обосновывается масштабом нарастающих проблем, в русле которых всей экосистеме планеты предстоит пережить судьбу погибших обособленных ойкумен. В примерах воздействия климатических, геологических, биологических явлений на экономику, политику, культурную среду эко-историки отмечают, что по степени влияния на ход социального развития даже войны неспособны сравниться с ролью природных факторов [\[14, р. 1-4\]](#).

Ключевой задачей экологической истории является изучение примеров и концептуализация позитивного опыта сотрудничества человека и природы на основе обогащения друг друга. Особенность американской историографии данного направления выражена в тезисе, что стратегия хозяйственного сотрудничества с природой является результатом культурного и идеологического выбора. Мифологические, религиозные, художественные, научные концепты и пр. отображают и базируются на практиках природопользования, поэтому нелепым представляется их разграничение. Экстенсивные и хищнические практики хозяйственной деятельности неизменно выражали себя в различных разновидностях концепта «человека – царя природы». Эта в конечном итоге губительная самоидентификация должна быть преодолена. С завершением индустриализации человечество из «биологического агента» стало «геологическим агентом», то есть деятельность людей теперь не ограничивается влиянием на биологическую среду, но расширилась до планетарных масштабов путем воздействия на климатические условия: «На протяжении веков ученые думали, что земные процессы настолько велики и сильны, что мы ничего не можем сделать, чтобы изменить их. Это был основной принцип геологической науки: человеческие хронологии ничтожны по сравнению с безбрежностью геологического времени; что деятельность человека

ничтожна по сравнению с силой геологических процессов. И когда-то они были. Но не более. Нас сейчас так много, что мы вырубаем так много деревьев и сжигаем столько миллиардов тонн ископаемого топлива, что действительно стали геологическими агентами. Мы изменили химический состав нашей атмосферы, что привело к повышению уровня моря, таянию льдов и изменению климата. Нет причин думать иначе» [\[10, р.206\]](#). Определяя себя «геологическим агентом», человечество с опорой на предшествующий опыт изменения им биологической среды должно в полной мере осознать возможные последствия своей деятельности в новом качестве.

Эко-историки задаются вопросом: как возможно рассуждать о глобальных процессах, не соотнося их с процессом глобального изменения климата? Ими формулируется новый вариант Большого нарратива, выраженного в концепции эко-гуманизма, которая представляется ими наиболее полным примером исторического синтеза и исторического опыта. Историко-экологической мысли отводится ведущая роль в развитии и реализации либеральных идей, нежизнеспособных в условиях глобальных катастроф, а также роль конструктивной критики капитализма, дальнейшее развитие которого уже невозможно осуществлять извлечением сверх прибылей без оглядки на последствия и руководствуясь национальным эгоизмом. Экология не имеет национальности, ее проблемы и ее история – общие. США, как лидер глобальных процессов, должны всеми средствами продвигать эко-повестку для остальных мощных индустриальных стран, чья хозяйственная деятельность продолжает носить экстенсивный характер и протекает без достаточного осознания возможных последствий для всей планеты [\[23, р. 16-19, 34-36\]](#).

Историки права в США, равно как и юристы, традиционно разделялись на тех, кто ставил во главу угла «букву» или «дух» закона, делая акцент или на ретроспективном анализе реализации правовых норм, или на изучении роли прецедентов в развитии гражданской, политической, экономической систем. С 90-х годов прошлого века мировая юридическая мысль начала переживать так называемый «исторический поворот», который выразился появлением большого количества работ по анализу разнообразия исторических способов легитимации правовых устоев, норм, институтов и пр. Американские юристы и историки также были активными участниками данного процесса. Правовая история обогатилась исследованиями различных способов борьбы за права человека, работами по историческим особенностям профессиональных практик юристов, по раскрытию в конкретных ситуациях взаимосвязи обычая и законов, определявшей рациональность судебных решений. Ключевым тезисом прагматической правовой истории стало определение правовых норм как средств социальных преобразований, а не их целями, которые обозначили еще отцы-основатели и которым необходимо неуклонно следовать.

Можно выделить три причины, и соответствующие им актуальные тематики исследований, того, почему юридические практики рассматриваются в виде важнейшего, порой даже основополагающего, элемента бытования национального общественного устройства.

Во-первых, полиморфный характер американского государства и общества препятствует формулированию каких-либо более значимых универсальных признаков национальной идентичности, чем гражданско-правовых. Быть американцем – это, прежде всего, жить в конституционном пространстве США. Соотнося развитие юридической и социальных систем, историки права отводят обретению опыта правосознания причинную роль в самоопределении и становлении общественных групп. В борьбе за свои права чернокожие, женщины, рабочие добивались создания необходимых для себя законов и поправок, в результате чего формировалась их идентичность и активная гражданская роль. Напротив, в отношении таких групп как, например, амиши, хиппи или азиатские

мигранты не производились значимые законодательные акты, что не позволяет определять их полноценными субъектами социальной системы. Таким образом практики борьбы за права и опыт правосознания – ключевые конструкты страт американского общества, приобретших легитимность.

Во-вторых, красной нитью сквозь всю историю США пронизывают противоречия частной и государственной форм собственности. В данном аспекте изучается роль юридических практик в развитии экономических отношений. Современное определение адвоката, нотариуса, юрисконсульта обозначает их как независимых экспертов и посредников между частными и общественными интересами, деятельность которых направлена на разрешение конфликтов в правовом русле [7. р. 1059-1061]. Историки права изображают юридические акты в виде триггеров (пусковых механизмов) экономических преобразований [17, р.188-189]. Например, может рассматриваться каким образом увеличение числа независимых юристов, противопоставивших себя коллегам – прислужникам корпораций, повлияло на либерализацию рынка и ограничение монополистического произвола. Или как с появлением бесплатной адвокатской защиты в суде возросло вовлеченные в хозяйствственные отношения бедных слоев населения.

В-третьих, самобытная судебная система США, в которой благодаря доктрине прецедентов суды обладают законотворческой инициативой, является наиболее фундаментальным институтом поддержания континентальной гармонизации. Американские юристы интерпретируют законы не как нормы приказного типа, а как разумные установления, степень рациональности которых проверяется практикой прецедентов. При вынесении решений, суды низшей инстанции обязаны считаться с аналогичными прецедентами в судах высшей инстанции, что является условием правильной интерпретации законов и единства правовой системы. Ссылаясь на общенациональный авторитет судебных решений, историки права отводят прецедентам роль предпосылок многих важнейших событий, раскрывающих их суть. Судебные решения против несоответствующих конституционным обычаям Великобритании указов Георга III – как предпосылки борьбы за Независимость; судебные решения по имущественным правам чернокожих, находящихся на государственной службе – как предпосылки отмены рабства и пр. Практика прецедентов рассматривается в виде процесса установления меры полезности законов, их соответствия требованиям времени. Ее роль – обеспечить гибкость и живучесть американской гражданской и политической системы [27, р. 1-4, 21-23].

Освещение событий и процессов в их правовом аспекте создает картину целостности и единства истории США. В отличие от традиции европейских исторических школ права, где законы метафизически олицетворяют «дух нации», американские коллеги усматривают национальную идентичность в самобытной правовой системе и особенностях регулирующих ее юридических практик. Отдельные традиционалисты сетуют, что начавшееся со времен Нового курса преобладание прагматического отношения к правовым нормам делает их исторически условными, что восходящие к естественному праву положения Конституции теряют свое значение [13, р. VII-X]. Однако, анализ конкретных примеров юридических решений показывает, что в зависимости от изменения условий восходящие к отцам-основателям устаревающие нормы скорее переживают обновление, чем отменяются вовсе. Обоснование своей деятельности юристы неизменно должны подкреплять ссылками на право собственности, право свободы договора или право свободы личности, легитимируя таким образом свои акты.

Заключение.

С развитием философии pragmatism корректировались исследовательские приоритеты американских историков, воспринимавших ее идейные и методологические установки. Первоначально pragmatism использовался ими для обоснования национальной самобытности. Далее для определения особенностей пути американской модернизации. На данный момент pragmatism используется для характеристики особенностей организации и способов функционирования общественных сфер жизни в США.

Отсутствие фундаментализма в pragmatism всегда было поводом для критики в его неспособности служить формированию значимой системы взглядов, а его положениям отводили прикладное значение. Однако именно благодаря этому свойству, в совокупности с концептуальной проработкой категорий практика и опыта, pragmatism смог дать наиболее адекватный ответ «постмодернистскому вызову» рационалистической традиции. А на почве некогда второстепенных тем (культурная роль мигрантов, «неисторические» социальные группы, локальные экологические катастрофы, юридические практики и пр.) образовались новые варианты для синтеза исторического знания, предметные поля и модели больших нарративов.

Состоялась ли утрата мечты об объективности, которую предложил П. Новик, и подмена ее pragmatикой? Современные исторические исследования значительной части ученых, стремящихся к научным результатам, обладают положительными чертами в плане снижения уровня, с одной стороны, идеологической риторики, и, напротив, «разоблачительного» скепсиса. Ведущим критерием объективности стал уровень рефлексии историков по отношению к предпосылкам собственных выводов и особенностям исследовательских практик [\[8, p. 281-283\]](#). В связке мотив-метод-результат в pragmatism ключевая роль отводится второму. Соответственно, сочувствующие pragmatismу историки, определяя объективность работ предшественников, в первую очередь обращаются к анализу способов исследовательской деятельности, а не к личным установкам авторов или определению критериев истинности результатов. Подобное понимание объективности может показаться ограниченным, однако нельзя не признать роль pragmatismа в возражении интереса к методологии истории, которую еще не так давно порой именовали «пятым колесом» дисциплины.

Также следует коснуться непосредственно критики концептов pragmatического поворота в общественно-гуманитарном знании, и в историографии в частности. В основном она сводится к двум аргументам. Во-первых, понятие опыт слишком многогранно, поэтому его использование оборачивается конструктивизмом. Во-вторых, практики повседневности настолько разнообразны, что нет возможности из их совокупности вывести целостную картину исторического развития общества.

Действительно, одним из главных качеств, характеризующих современные исторические исследования в США, является социальный конструктивизм. Конструктивизм предполагает невозможность обозначить грань между объективацией реальности, как результата познавательной деятельности, и непосредственно самой реальностью. Отсюда делаются выводы о возрождении и едва ли не вездесущности презентизма в исторической науке, поставленной на службу концептам мультикультурализма, инклюзивного капитализма, эко-гуманизма и образцовой демократии в лице США. Но данная критика утрировано определяет конструктивизм в виде созидания из исторического материала неких конструктов, подразумевая их надуманный и искусственный характер. На деле же, разочаровавшись в корреспондентской теории истины, историки стремятся держать в уме грань между их представлениями о прошлом и самим прошлым. Конструктивизм играет роль фаллибилистической установки на то, что

те или иные аспекты их работ неизменно будут содержать конструктивистские черты, что, в свою очередь, не исключает дальнейший поиск более объективных результатов. Презентизм же в обновленном перспективистском понимании обозначает не «политику, опрокинутую в прошлое», а использование опыта прошлого для нужд настоящего. Например, учесть исторический опыт по приобщению чернокожего населения к американским ценностям и использовать его в решении новых форм миграционных проблем.

Что касается вопроса целостности исторических представлений в условиях углубляющейся специализации и фрагментации исследовательской деятельности, то следует учесть, что прагматический поворот способствовал возрождению интереса историков к социологическим теориям, а изучение разнообразия практик в конечном итоге сводится к анализу их социологического аспекта. Идет ли речь о динамике гендерных, этнических, экологических, юридических и прочих процессов, их причины и последствия раскрываются в виде структурных свойств социальной системы. Таким образом, истории вновь отводится определение дисциплины, изучающей общественное развитие, точнее способов этого развития.

Библиография

1. Гульбин Г. К. Философия истории американской новой социальной истории и ее знаниевые проблемы // Известия Томского политехнического университета. Т. 307, № 1, 2004. С. 161-164.
2. Лубский А.В. Прагматический поворот в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: 2014. С. 405-407.
3. Нэш Р. Дикая природа и американский разум. Киев. Киевский эколого-культурный центр. / Пер. с англ. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001.
4. Патнэм. Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Практис, 2002.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XXXXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011.
6. Савельева И. М. Новая «социальность» социальной истории. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015.
7. Ariens M. A History of Legal Specializations // South Carolina Law Review. 1994, Vol. 45. P. 1003-1061.
8. Berkhofer R. F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press. 1995.
9. Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge. Polity Press, 2010.
10. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses December // Critical Inquiry 35(2), 2009. P. 197-222.
11. Cohen R. Global Diasporas. L., N.Y.: Routledge. 2008. [Электронный ресурс] URL:www.academia.edu/8762589/Global_diasporas_an_introduction_Revised_edition_2008 (дата обращения 22.12.2022).
12. Eley G. Is all the world a text? From social history to the history of society two decades later // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L. Routledge. 2005. P. 33-61.
13. Ely J. Property rights in American history: From the colonial era to the present. New York; London: Garland, 1997.
14. Hughes J.D. An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life. L., N.Y.: Routledge. 2009.
15. Hughes J.D. Global Environmental History: The Long View // Globalizations. December

- 2005, vol. 2, № 3, P. 293-308.
16. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration: elements of the theory of structuration // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 119-140.
17. Gordon R. Lawyers, the Legal Profession & Access to Justice in the United States: A Brief History // *Dædalus*, the Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2019, № 148 (1). P. 177-189.
18. Jones G. S. The determinist fix: some obstacles to the further development of the linguistic approach to history in the 1990s // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 62-75.
19. Joyce A., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York: W. W. Norton, 1994.
20. Joyce P. What is the Social in Social History? // Past and Present, 2009. vol. 205. P. 175-210.
21. Kloppenberg J. Pragmatism and the Practice of History: From Turner and Du Bois to Today // Metaphilosophy. Vol. 35, Nos. 1/2, 2004. P. 202-225.
22. Macdonald S. Transnational history: a review of past and present scholarship. 2013. [Электронный ресурс] URL://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/sites/centre-transnational-history/files/simon_macdonald_tns_review.pdf (дата обращения 08. 11. 2022).
23. McNeill, J. R. Observations on the nature and culture of environmental history // History and Theory. 2003, № 42 (4). P. 5-43.
24. Novick P. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
25. Ormerod R. The history and ideas of pragmatism // Journal of the Operational Research Society. 2006, №. 57. P. 892-909.
26. Scott J. The evidence of experience // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge, 2005. P. 213-223.
27. Sellers M. The Doctrine of Precedent in the United States of America // The American Journal of Comparative Law, № 54, 2008. P. 1-23.
28. Spiegel G. Introduction // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 1-31.
29. Tyrrell Ian. Introduction: US History as Transnational History // Transnational Nation. 2007. L.: Bloomsbury Publishing. P. 1-10.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. В работе применялись методы историко-культурной и историко-философской реконструкции, компаративистского анализа. А также применялся междисциплинарный подход. Касаясь вопроса, что прагматичного поворота историков автор отмечает, что это привело: к пересмотру взаимоотношений макро- и микро-уровней исторической действительности; в центр анализа ставятся мотивы акторов, условия и особенности их деятельности, а не роль детерминирующих факторов и социально-исторических закономерностей;- изменились способы исторического

описания: контекстуальное и процессуальное описание пришло на смену объяснительным моделям на основе причинных понятий».

Актуальность темы обусловлена тем, что за более полутора века американский прагматизм прошел несколько стадий развития и оказал значительное влияние на философию, историю, социологию, социолингвистику и т.д. Но до настоящего времени нет работ, посвященных развитию американской историографии в «русле прагматического поворота». Данная работа ликвидирует этот пробел.

Научная новизна работы определяется тем, что это первая работа, в которой исследуется общие тенденции развития американской историографии. Научная новизна определяется также тем, что в ней сделана попытка систематического анализа американской историографии «прагматического перехода» за полутравековой период его существования и этапы этого процесса. Выявлены характерные особенности и тенденции развития прагматизма в США, дана оценка нынешнего его состояния и перспектив.

Стиль работы академический, статья написана ясным, четким языком. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследований. Структура состоит из небольшой вводной части и следующих разделов: Теоретико-методологический аспект темы; Прагматические тезисы в отдельных исследовательских отраслях; Заключение. Во вводной части статьи автор отмечает важность исследуемой проблемы и пишет, что «ключевые тенденции развития современной американской историографии сформировались в русле противоречий, которые переживала историческая наука в последней трети прошлого века. С одной стороны, фрагментация и установка на идеино-теоретический плюрализм обеспечивали рост количества методологических инноваций и исследовательских областей. С другой, происходило размытие базовых национальных идей и нарративов о них, содержания тезисов социальных концептов модернистского типа, профессиональных критериев работы историка». И в качестве примера приводит дискуссию вокруг книги П. Новика и далее отмечает, что один из критиков работы П.Новака усмотрел возможности объективной критики «в коренной американской философии прагматизма и ее гносеологических установках: перспективизм (не все точки зрения равнозначны, но ни одна не имеет привилегированного доступа к объективности), фаллибилизм (любое знание промежуточно) и инструментализм (теории и понятия – адаптивные средства освоения реальности)». И далее автор отмечает, что «Со временем своего зарождения в XIX в. прагматизм способствовал разрешению идейных противоречий, а его важнейшее эпистемологическое значение заключается в определении «золотой середины» при конфликте мнений и определении критериев их рациональной оценки». И далее пишет, что и в наши дни историки опираются на идеи прагматиков и активно ее развивают. И в основной части работы (в двух разделах) он раскрывает теоретико-методологический аспект исследуемой темы в целом и в отдельных исследовательских отраслях. В заключение статьи сделаны выводы по теме. Автор пишет, что «развитием философии прагматизма корректировались исследовательские приоритеты американских историков, воспринимавших ее идейные и методологические установки. Первоначально прагматизм использовался ими для обоснования национальной самобытности. Далее для определения особенностей пути американской модернизации. На данный момент прагматизм используется для характеристики особенностей организации и способов функционирования общественных сфер жизни в США». И его следующий вывод заключается в том, что в настоящее время «в условиях углубляющейся специализации и фрагментации исследовательской деятельности, что прагматический поворот способствовал возрождению интереса историков к социологическим теориям, а изучение разнообразия практик в конечном

итоге сводится к анализу их социологического аспекта. Идет ли речь о динамике гендерных, этнических, экологических, юридических и прочих процессов, их причины и последствия раскрываются в виде структурных свойств социальной системы. Таким образом, истории вновь отводится определение дисциплины, изучающей общественное развитие, точнее способов этого развития».

Библиография статьи составляет 29 источников, в том числе работы таких известных российских исследователей как Савельева И.М., Лубский А.И. и другие. Библиография в полной мере раскрывает предметную область исследования. Библиография также показывает, что автор хорошо ориентируется в исследуемой теме и подготовил глубокую статью на актуальную и важную не только в историографическом, но и в методологическом плане статью.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Статья написана на актуальную тему, имеет все признаки научной новизны и несомненно будет интересна читателям журнала.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжэн В. Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70659 EDN: CHLTMP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70659

Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект

Чжэн Вэньсюань

аспирант, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ tchzhen.vensyuan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Запад - Россия - Восток"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.70659

EDN:

CHLTMP

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2024

Аннотация: Предметом исследования статьи является символическое значение черного цвета в истории культуры и фольклоре различных цивилизаций, особенно в русской, французской и китайской традициях. Исследование направлено на выявление эволюции восприятия черного цвета на протяжении времени и его роли в религиозных, мифологических и социокультурных контекстах. Автор рассматривает трансформации символики черного цвета, его связь с мифами, обрядами и представлениями о мире в различных культурах, а также его значение как отражение общественных и культурных норм и ценностей. Исследование направлено на выявление общих и уникальных черт в восприятии черного цвета, его роли в религиозных и ритуальных практиках. Методология основывается на сборе и анализе культурных текстов о символике черного цвета в славянской и китайской культурах. Используются методы сравнительного анализа и контекстуального исследования для выявления роли и значения черного цвета в культуре и обществе. Новизна исследования заключается в анализе истории символики черного цвета в русской, французской и китайской культурах через призму мифологии и фольклора. Основными выводами проведенного исследования являются те,

что в русской мифологии и фольклоре черный цвет ассоциируется с темными силами, смертью и загробным миром. Он представляет опасность, но также имеет защитные свойства. Во французской мифологии и фольклоре черный цвет часто связан с тайной, магией и загадками. Он может символизировать смерть, но также носит элегантность и стиль. В китайской мифологии и фольклоре черный цвет обычно связан с смертью и поклонением предкам. Он может также символизировать власть и авторитет. Эти результаты не только расширяют наше понимание мифологических представлений, но и подчеркивают важность культурного контекста в интерпретации цветовых символов.

Ключевые слова:

Сопоставительный анализ, Колоративы, Русский язык, Французский язык, Китайский язык, Цветовые обозначения, Фразеологизмы, Пословицы, Языковая картина мира, Черный цвет

Введение

В настоящей научной статье предпринимается попытка углубленного исследования символического значения черного цвета в контексте истории русской, французской и китайской культур. Объектом нашего исследования выступают мифологические представления и фольклорные образы, связанные с черным цветом, в указанных культурных традициях. Цель данной работы состоит в анализе и интерпретации различных аспектов символизма черного цвета, выявлении его смысловой нагрузки и значения для представителей указанных культур. Для достижения этой цели мы ставим перед собой следующие задачи: систематизировать и классифицировать мифологические и фольклорные образы, связанные с черным цветом; проанализировать контексты и смысловые ассоциации, в которых черный цвет используется в культуре каждого из указанных народов; выявить общие и уникальные черты символизма черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре; провести сравнительный анализ между различными культурными традициями, выявив сходства и различия в восприятии и интерпретации черного цвета. Усиливая научно-методическое сопровождение исследования, мы стремимся разъяснить объект, предмет, цель и задачи нашего исследования, а также предоставить читателям более глубокое понимание символического значения черного цвета в контексте различных культурных традиций.

В области сопоставительных исследований между русской, французской и китайской картинами мира последние годы стало появляться много исследований. Так, понимание и интерпретацию данных трех языков исследовала Л. М. Шарафиева [13]. Также анализировались их фонетические системы [12], проводилось компаративное исследование концепта "красота" на примере фразеологизмов [1] и анималистических фразеологических единиц [6]. В этой сфере значительно отличилась циклом работ, посвященным базовым понятиям в русском, французском и китайском языке М. К. Голованивская [2][3][4][5].

Человеческий опыт работы с цветами и интуитивные реакции, которые они вызывают, являются неотъемлемой частью нашего существования. Цвет выходит за рамки простой телесности; его значение заложено в социальной ткани. По мнению М. Пастуро, начиная с эпохи Древней Греции и вплоть до эпохи Средневековья, черный, белый и красный цвета почитались как три основополагающих цвета [10, с. 121-129]. Эти основные цвета

господствовали как в религиозной, так и в светской сферах жизни. Мы исследуем, как символика черного цвета претерпела исторические трансформации в сознании русского и французского народов, выявим отличительные черты черной символики, проявленные в народных сказках, мифах и религиозных верованиях этих культур.

Черный цвет в мифологии и фольклоре

В лексиконах современных русских, китайцев и французов черный цвет характеризуется как оттенок сажи, угля и чернил. Черный цвет, обозначающий отсутствие света, загадку ночи и максимальную интенсивность цветовой насыщенности, приписывается предметам, обладающим глубоко темным оттенком:

На бескрайних просторах ночи тьма окутывает все пеленой тайны, известной как «нуарная ночь», время, когда мир окутан непроницаемой чернотой. Основной продукт питания, ржаной хлеб, получил прозвище «*le Pain Noir*», его сытная корочка отражает землю, из которой он был произведен. Крепкий напиток «*le cafe noir*» является свидетельством чистоты, не испорченной легкостью молока. Кожа, поцелованная жаркими объятиями солнца, темнеет и приобретает насыщенный загар, свидетельство силы факела природы.

В лингвистическом разнообразии русского и французского языков термин «черный» часто обозначает расовую и культурную идентичность: «черная раса» означает африканскую диаспору, чья кожа окрашена в самые глубокие земные цвета. Метафорически, «*la musique noire*» перекликается с душевными ритмами, рожденными в самом сердце африканского наследия, а «*l'encre noire*» отсылает к драгоценным ресурсам угля и нефти, источникам жизненной силы современной цивилизации.

Тем не менее, в культурной психике как русских, так и французов чернота часто имеет мрачный оттенок. Он отмечает эмоции, скрывающиеся в тени человеческого сердца: меланхолию, зависть и презрение. «*Les idées noires*» — мрачные мысли, затуманивающие разум; «*un jour noir*» — день, полный невзгод. «*La bête noire*» — это воплощение самых глубоких отвращений человека, а «*voir tout en noir*» — значит воспринимать мир через призму, затемненную пессимизмом, где надежда скрыта завесой отчаяния.

Черный — цвет, который больше всего ассоциируется с тайной, преступностью и инфернальным: «*la magie noir*» вызывает в воображении образы злонамеренного колдовства, направленного на причинение вреда другим; «*l'âme noire*» — ритуал почитания князя тьмы; «*l'âme noire*» — душа, запятнанная злом. «Черный марш» — это тайный центр незаконной торговли, царство, где законность окутана тенью [\[7, с. 79\]](#).

Если углубиться в лексические и семантические значения черного цвета в двух современных европейских языках, становится очевидным, что множество значений, связанных с этим оттенком, имеют поразительное сходство как в русском, так и во французском языке. Чтобы разгадать корни этих параллелей, полезно изучить эволюцию символики черных через культурные анналы этих наций, признавая, что язык является динамичной сущностью, постоянно видоизменяющейся силами социальной истории и культурной динамики.

Исследования М. Пастуро показывают, что до господства христианства черный цвет был символом плодородия в евразийском и африканском мифологическом контексте [\[10, с. 1-920\]](#). Божества, наблюдавшие за плодородием, и деятели-покровители агрономии часто носили черные одежды. Среди них упоминаются Кибела, Деметра и Исида. Аристотель

постулировал, что Вселенная состоит из квартета элементов: огня, воды, воздуха и земли, каждый из которых имеет определенный цвет: малиновый для огня, зеленый для воды, алебастр для воздуха и обсидиан для земли [\[23, с. 359–360\]](#). На протяжении эпох, от античности до средневековья, социальное расслоение проявлялось в трех различных эшелонах: монашеском, военном и аграрном. Исследования Дж. Грисварда показывают, что в анналах древних и средневековых времен, как это показано в хрониках, произведениях искусства и литературных произведениях, белый цвет был прерогативой монашеского ордена, малиновый — знаком класса воинов, а черный — эмблемой крестьянства [\[18, с. 253–264\]](#). Таким образом, концептуальная связь черного цвета с пахотной местностью сохранилась, хотя и неявно.

Более того, загадка черноты вызывала трепет у древних, которые питали страх поддаться злонамеренным существам — будь то звери, демоны или другие опасные существа, материальные или фантастические — которые скрывались под покровом ночи. Такой страх породил всепроникающее чувство опасения и беспокойства, влияющее на их восприятие окружающего космоса.

Если обратиться к русскому мифу [\[11\]](#), то понятие «черные мысли» передает злонамеренные замыслы главных героев; «черные реки» служат проводниками для душ, переходящих из царства света во владения Пекуля; «черные камни» обозначают порталы в преисподнюю; «черные вороны» — предвестники смертности. Антагонистам часто свойственны черные атрибуты. Возьмем, к примеру, славянского божества разрушения Чернобога. Это мрачное божество обладает способностью по прихоти превращаться в соболиного ворона в сопровождении лошади-компаньона аналогичного окраса. Чернобог изображается как зловещий старейшина, окутанный тьмой, с волосами цвета воронова крыла, его форма постоянно источает эбеновые миазмы. Он — предвестник бедствия человечеству [\[11, с. 319\]](#) и пытается заключить мир в ледяную гробницу. Чернобог почитается как прародитель легиона отъявленных извергов и злобных существ, таких как Морлок, Аспид, Геринг, Лихоманки и Кошеч. Несмотря на свою гнусную репутацию, он олицетворяет собой дихотомию, предлагая убежище одинокому мудрецу.

В контексте французской культуры фигура «черного рыцаря» часто встречается в сказаниях о галльском рыцарстве XII и XIII веков. Рыцари скрывали свою индивидуальность под вооружением и щитами из черного дерева, покрывая своих коней такими же темными тканями [\[15, с. 271\]](#). Похоже, что в рыцарских мифах черный цвет выходит за рамки простых ассоциаций с адскими мирами, дьяволом и смертью, часто представляя загадочные сущности.

В научном дискурсе, сформулированном М. Пастуро, поясняется, что под эгидой растущего влияния Римско-католической церкви на заре XI века изображение дьявола кристаллизовалось в общепризнанный архетип, характеризующийся преимущественно малиновой кожей, худощавым телосложением, испорченным пустулами, и упитанным черепом, увенчанный парой заостренных рогов, похожих на овечьи. М. Пастуро поясняет, что, несмотря на отсутствие какого-либо явного описания Иуды в канонических текстах Библии или Евангелия, художественные и литературные изображения, начиная с XII века, постоянно изображали его с каштановыми локонами и смуглым цветом лица [\[22, с. 197–209\]](#). В дальнейшем оттенок черного принял мантию цвета дьявола [\[9, с. 7–8\]](#), а меланоидная кожа стала символом отступничества, еретических верований и злых духов. Тем не менее в житиях таких почитаемых деятелей, как царица

Савская, Иоанн Первосвященник, Вифсаида Мудрая и святой Маврикий, потемневший оттенок кожи был не показателем недоброжелательности, а, скорее, маркером экзотики [16, с. 149–204].

В этот исторический момент ночные существа, украшенные темными шкурами, привлекли значительное внимание на европейском континенте. И монашеская община, и миряне считали этих животных воплощениями дьявольского, предвещающего беду [20, с. 82–86]. Напротив, в мифологических гобеленах русской и кельтской культур медвежьи существа с темным мехом почитались как правители лесных царств, а их мощь почиталась древними славянами и кельтами. Как записано Пастуро, во время правления династии Каролингов во Франции церковные взгляды изменились: медведи стали восприниматься как зловредные существа, утверждая, что они ежегодно обитают в адских глубинах зимой, и приписывая им целый ряд пороков, включая лень, нечистоту, обжорство, и гнев, тем самым возвысив их до статуса демонических повелителей. Кельты высоко ценили кабана, однако христианские богословы оклеветали его как мерзкого и дикого зверя, покрытого черным мехом [21, с. 123–210].

Согласно выводам Олдхаус-Грин [14, с. 189–240], на протяжении кельтской эпохи во Франции черная кошка провозглашалась предзнаменованием процветания и лелеялась как спутник человечества. Одновременно влияние Церкви ускорило трансформацию отношения общества не только к медведям и кабанам, но и к черным кошкам. Исследование К. Гинзбург записей французской инквизиции, относящихся к процессам над ведьмами в XVI и XVII веках, обнаруживает повторяющийся мотив: обвиняемые ведьмы часто ассоциировались с черными кошками, одетыми в одежду из черного дерева и, как говорили, участвовали в ночных кутежах, устраиваемых дьяволом в уединенных лесах, полуразрушенных руинах или подземных катакомбах [17, с. 9–7104]. На этих собраниях использовалась посуда и съестные припасы темного оттенка, а дьявол вместе со своей свитой, как полагали, проявлялся в облике черных зверей. Распространено мнение, что, чтобы приобрести гнусную силу насылать проклятия, злобные ведьмы якобы участвовали в обрядах жертвоприношения детей дьяволу, превращая кровь невинных в темный пигмент и впитывая его [19, с. 82–86]. После осуждения инквизицией «ведьмы» и ее черного кота судья, взяв на себя роль сострадательного арбитра, постановил, чтобы осужденных облачили в белое и предали сожжению, поскольку Церковь считала белый цвет символом искупления.

В богатом гобелене китайского культурного наследия черный цвет запутанно переплетается с оттенками воды, загадочными глубинами тьмы и глубокой сущностью энергии Юань (Инь). Это оттенок, который воплощает в себе тайные силы власти, глубину мудрости и резервуары глубоких знаний. В китайской традиции черный цвет также ассоциируется с направлением севера и интроспективной зимой.

Спектр цветов в китайской традиции имеет огромное значение и часто используется для передачи тонких сообщений, вызова определенных эмоциональных состояний и воплощения символических представлений. Интерпретация этих цветов, их отдельных оттенков и комбинаций, в которых они появляются, глубоко укоренена в контексте и традициях, часто приводя к множеству значений, как это объяснила Евгеньева в своем исследовании 2016 года [8].

В генезисе истории китайской культуры черный цвет имеет различные символические значения. Черный — цвет траура, отражающий печаль и смирение, и традиционно используется во время траура и в знак уважения к ушедшим предкам. Как подчеркнула

Евгеньева в 2016 году [8], это также цвет, который может означать мудрость и глубокое созерцание. Белый, помимо других своих значений, также может быть символом гармонии и духовного равновесия.

В китайской мифологии и фольклоре черный цвет играет значительную роль, отражая богатство культурных представлений и верований, которые сформировались на протяжении многих веков. Этот цвет обладает множеством символических значений, которые пронизывают различные аспекты жизни и мира.

В китайской культуре черный цвет часто ассоциируется с понятием Юань, которое обозначает темные, женские, пассивные и интроспективные качества. Это включает в себя понятия тайного, неизведанного и скрытого. В китайской мифологии Юань считается одним из двух принципов, определяющих вселенную, противопоставленным принципу Ян, который символизирует свет, мужское начало и активность. Стремясь к равновесию и гармонии, китайская культура учитывает и воспевает как Юань, так и Ян, в том числе черный и белый цвета, как неотъемлемые части космического порядка [23].

Традиционно черный цвет в китайской мифологии ассоциируется с направлением севера и интроспективной зимой. В китайской культуре север считается направлением, связанным с темными силами, мудростью и контемпляцией. Зима также символизирует период покоя и саморефлексии, когда природа замирает, чтобы возродиться весной. Черный цвет в этом контексте отражает мистическую силу природы, ее способность к самообновлению и внутреннему преобразованию.

В китайской мифологии черный цвет также часто ассоциируется с силами смерти и поклонением предкам. Верования в связь между черным цветом и загробным миром пронизывают различные аспекты китайской культуры, включая обряды погребения, почитание предков и ритуалы почтения усопших. Черный цвет часто используется в мемориальных обрядах и празднествах, посвященных умершим, как символ вечной памяти и связи с иным миром [24].

Одновременно черный цвет в китайской культуре символизирует власть и авторитет. Он ассоциируется с древними мудрецами, правителями и божествами, которые воплощают в себе мистическую силу и глубокую мудрость. В китайской мифологии черный цвет может олицетворять могущественных духов и богов, которые обладают необъятной властью над природой и судьбами людей.

Кроме того, черный цвет в китайской культуре может быть связан с понятием тайны, магии и загадок. Верования в силу черного цвета как инструмента магических ритуалов и обрядов существуют в китайской мифологии и фольклоре с древних времен [23]. Черный цвет может быть использован как символ проникновения в тайные и неведомые сферы мира, открывая доступ к древним знаниям и секретам вселенной [24].

Таким образом, черный цвет в китайской мифологии и фольклоре представляет собой многогранный символ, отражающий различные аспекты жизни, смерти и космического порядка. Он символизирует темные силы природы, власть и мудрость, загадку и тайну, а также связь с загробным миром и предками. Этот цвет пронизывает китайскую культуру, олицетворяя в ней богатство символических представлений и древних верований.

Заключение

Таким образом, Полученные результаты нашего исследования представляют собой

значимый вклад в понимание символической значимости черного цвета в мифологии и фольклоре русской, французской и китайской культур сквозь историю. Научная новизна нашего исследования заключается в выявлении как общих, так и отличительных черт интерпретации черного цвета в этих культурах, что позволяет углубить наше понимание мифологических и фольклорных традиций различных народов.

Одной из общих черт интерпретации черного цвета в истории указанных культур является его связь с мистическими сущностями, смертью и тайной. В каждой из этих культур черный цвет символизирует нечто загадочное и непостижимое, что отражает глубину человеческого подсознания и восприятия окружающего мира.

Однако существуют и отличительные черты в интерпретации черного цвета. Например, в русской культуре он часто ассоциируется с мистическими предзнаменованиями и зловещими существами, в то время как во французской традиции черный цвет связан с мудростью, силой и авторитетом. В китайской культуре черный цвет также символизирует власть и мудрость, но также имеет глубокие связи с обрядами поклонения предкам и магическими ритуалами.

Данное исследование выявило как общие, так и уникальные особенности интерпретации черного цвета в мифологии и фольклоре русской, французской и китайской культур, что способствует расширению знаний о символическом мире различных этносов и его влиянии на современное общество.

Библиография

1. Газилов, М. Г. Компаративное исследование особенностей выражения концепта "красота" во фразеологизмах китайского, французского, немецкого и русского языков / М. Г. Газилов, И. А. Иванникова, А. Д. Павлова // Сервис plus. 2019. Т. 13, № 4. С. 75-81.
2. Голованивская, М. К. Представление о душе в русской, французской и китайской культурах / М. К. Голованивская, Н. А. Ефименко // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12, № 5. С. 279-295.
3. Голованивская, М. К. Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах / М. К. Голованивская, Н. А. Ефименко // Litera. 2023. № 5. С. 249-267.
4. Голованивская, М. К. Представление о радости в русской, французской и китайской культурах / М. К. Голованивская, Н. А. Ефименко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 11. С. 3641-3647.
5. Голованивская, М. К. Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах / М. К. Голованивская, Н. А. Ефименко // Философская мысль. 2022. № 10. С. 35-53.
6. Ильина, Ю. П. Сравнительный анализ анималистических фразеологических единиц в английском, испанском, китайском, русском и французском языках / Ю. П. Ильина // Современные вопросы филологии и переводоведения: сборник научных трудов, Чебоксары, 26 октября 2018 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 210-213.
7. Комина, Е.В. Модели цветообозначений в современном английском языке. Калининский государственный университет, 1977. 79 с.
8. Малый академический словарь русского языка // Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ЯСК, 2016.
9. Орлов М. Средневековые представления о нечистой силе, или История сношений человека с дьяволом. М.: Ломоносовъ, 2022. 203 с.

10. Пастуро М. Черный. История цвета // Пер. с фр. Н. Кулик. М.: Новое литературное обозрение, 2017, 186 с.
11. Славянская мифология. Энциклопедический словарь // Под ред. А.Я. Петрухина. М.: Эллис Лак, 1995.
12. Трубач, О. К. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков / О. К. Трубач, Д. И. Горшкова, Л. Н. Скляр // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 1. С. 171-188.
13. Шарафиева, Л. М. Понимание и интерпретация русского, китайского и французского языков в мыслительном процессе / Л. М. Шарафиева, А. Г. Мухаметшин // Русский язык в современном Китае: материалы IX Международной научно-практической конференции, Чита, 24 ноября 2021 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 49-51.
14. Aldhouse-Green M. Dictionary of Celtic Myth and Legend. London: Thames & Hudson. 1997. 450 p.
15. Brault G.J. Heraldic Terminology in the XIIth and XIIIth Centuries, with Special Reference to Arthurian Literature. Oxford: Boydell & Brewer Ltd. 1997. 139 p.
16. Devisse J., Mollat M. L'Image du noir dans l'art occidental. Des premières siècles chrétiens aux grandes découvertes. Fribourg: Office Du Livre, 1979. 234 p.
17. Ginzburg C. Le Sabbat des sorcières. Paris: Gallimard, 1992. 386 p.
18. Grisward J. Archéologie de l'épopée médiévale. Paris: Payot. 1981. 297 p.
19. Houdard S. Les Sciences du Diable. Quatre discours sur la sorcellerie (XVe-XVIIe siècle). Paris: Gallimard, 1992. 347 p.
20. Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe-XVIIe siècle). Paris: Flammarion, 2011. 295 p.
21. Pastoureau M. Histoire d'un roi déchu. Paris: Seuil, 2007. 392 p.
22. Pastoureau M. Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. Paris: Seuil, 2004. 249 p.
23. Salvat M. Le traité des couleurs de Bathélémi l'Anglais (XIIIe siècle). Aix-en-Provence. 1988. 183 p.
24. 新华字典/新华辞书社. 北京:商务印书馆 2021.
25. 辞海 / 夏征农, 陈至立. 上海: 上海辞书出版社 2020

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Genesis: исторические исследования» автор представил свою статью «Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект», в которой проведено исследование символического значения черного цвета в контексте истории русской, французской и китайской культур. Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что человеческий опыт работы с цветами и интуитивные реакции, которые они вызывают, являются неотъемлемой частью нашего существования. Цвет выходит за рамки простой телесности; его значение заложено в социальной ткани. Как отмечает автор, начиная с эпохи Древней Греции и вплоть до эпохи Средневековья, черный, белый и красный цвета почитались как три основополагающих цвета, господствующих как в религиозной, так и в светской сферах жизни.

Цель данной работы состоит в анализе и интерпретации различных аспектов символизма

черного цвета, выявлении его смысловой нагрузки и значения для представителей указанных культур. Для достижения этой цели автором поставлены следующие задачи: систематизировать и классифицировать мифологические и фольклорные образы, связанные с черным цветом; проанализировать контексты и смысловые ассоциации, в которых черный цвет используется в культуре каждого из указанных народов; выявить общие и уникальные черты символизма черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре; провести сравнительный анализ между различными культурными традициями, выявив сходства и различия в восприятии и интерпретации черного цвета. Объектом исследования выступают мифологические представления и фольклорные образы, связанные с черным цветом, в указанных культурных традициях. Методологической базой исследования послужил комплексный подход, включающий компаративный, этимологический, семантический, социокультурный анализ. Теоретической основой выступили труды российских и зарубежных исследователей как М. Пастуро, Дж. Грисварда М. Олдхаус-Грин, Л.М. Шарафиева, М.К. Голованивская и др. На основе анализа степени научной проработанности, посвященных данной тематике, автор приходит к заключению о достаточном количестве научных трудов, посвященных сопоставительным исследованиям между русской, французской и китайской картинами мира. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении как общих, так и отличительных черт интерпретации черного цвета в этих культурах, что позволяет углубить наше понимание мифологических и фольклорных традиций различных народов. Как отмечает автор, в современном лексиконе русских, китайцев и французов черный цвет буквально характеризуется как оттенок сажи, угля и чернил. Черный цвет, обозначающий отсутствие света, загадку ночи и максимальную интенсивность цветовой насыщенности, приписывается предметам, обладающим глубоко темным оттенком.

При сравнении русского и французского языка автор наблюдает семантическое и семиотическое сходство большинства понятий, обозначаемых словом «черный» (*noir*) в данных языках. Так, до прихода христианства, черный цвет служил символом плодородия, но, с другой стороны, вызывал трепет у древних людей, так как обозначал таинственные ночные силы. С принятием христианской веры в данных культурах автором отмечается появление негативной коннотации, ассоциаций со злодейством (черные мысли), адскими мирами, дьяволом и смертью (черный рыцарь, черный кабан).

Согласно исследованиях автора, черный цвет в китайской мифологии и фольклоре представляет собой многогранный символ, отражающий различные аспекты жизни, смерти и космического порядка. Он символизирует темные силы природы, власть и мудрость, загадку и тайну, а также связь с загробным миром и предками, запутанно переплетаясь с оттенками воды, загадочными глубинами тьмы и глубокой сущностью энергии Юань (Инь). Это оттенок, который воплощает в себе тайные силы власти, глубину мудрости и резервуары глубоких знаний. В китайской традиции черный цвет также ассоциируется с направлением севера и интроспективной зимой.

По результатам исследования автором выявлены как общие, так и уникальные особенности интерпретации черного цвета в мифологии и фольклоре русской, французской и китайской культур, что способствует расширению знаний о символическом мире различных этносов и его влиянии на современное общество.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение восприятия и обозначения схожих социокультурных концептов разными мировыми культурами и их отображение в мифах и преданиях представляет несомненный научный и практический культурологический интерес и заслуживает дальнейшей проработки.

Следует заметить, автор достиг поставленной цели. Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 25 источников, в том числе иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Клейтман А.Л., Савка О.Г. Изучение истории обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта «История гражданской войны» в 1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70429 EDN: CKCVAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70429

Изучение истории обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта «История гражданской войны» в 1930-х гг.

Клейтман Александр Леонидович

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

125315, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Балтийская, 14

✉ malk@bk.ru

Савка Ольга Геннадьевна

кандидат исторических наук

доцент; Кафедра документоведения, истории государства и права; РТУ МИРЗА

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 86, с2

✉ olga-savka@mail.ru

[Статья из рубрики "История и идеология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.70429

EDN:

CKCVAX

Дата направления статьи в редакцию:

11-04-2024

Аннотация: Статья посвящена истории изучения событий обороны Царицына во время Гражданской войны в рамках издательского проекта "ИГВ", реализовывавшегося в 1930-х гг. по инициативе и при активном участии М. Горького. На основе документов секретариата редакции, которые в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, установлено, что за написание соответствующего раздела многотомного труда отвечал коллектив из трех авторов: профессиональных историков, учеников М.Н. Покровского Г.Е. Меерсона и Э.Б.

Генкиной, и непосредственного участника событий, одного из военачальников Красной армии И.Ф. Ткачёва. Охарактеризована работа каждого из членов коллектива. Показано, какую роль участие в данном проекте сыграло в биографиях авторов. Написание истории обороны Царицына проанализировано в контексте политических, культурных, интеллектуальных процессов, определявших развитие исторической науки в период установления тоталитарного строя в СССР. Как показало проведенное исследование, написание труда по истории обороны Царицына в 1918 г., выдержанного в духе культа личности, но обладающего формальными признаками научного исторического исследования, было важной задачей, за решением которой следили люди, занимавшие высшие партийные и государственные посты в Советском Союзе в 1930-х гг. Двое из трех авторов, не проявившие усердия в данной работе (Г.Е. Меерсон и И.Ф. Ткачёв), были арестованы и расстреляны. Для Г.Е. Меерсона провал в работе по написанию обороны Царицына мог стать решающим фактором, определившим его судьбу. Э.Б. Генкина, сумев успешно завершить эту работу, стала признанным авторитетом в сообществе советских историков.

Ключевые слова:

оборона Царицына, Гражданская война, Максим Горький, История гражданской войны, Иосиф Сталин, историография, культ личности, Эсфирь Генкина, Григорий Меерсон, Иван Ткачёв

Проблемы развития исторической науки в СССР в 1930-х гг. неоднократно становились предметом исследования советских и российских ученых. Наибольший вклад в изучение темы был сделан А.М. Дубровским, В.В. Тихоновым и А.Л. Юргановым. В 2017 г. было опубликовано специальное исследование М.В. Зеленова и Д. Бранденбергера, посвященное истории создания первого тома труда «История гражданской войны в СССР». Отдельные вопросы, связанные с формированием официальной концепции истории обороны Царицына в 1930-х гг., рассматривались в работах Б.С. Илизарова, Е.П. Воробьева, А.В. Ганина, И.О. Тюменцева. Специальных исследований, посвященных истории изучения событий обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта М. Горького «История гражданской войны», до настоящего времени не предпринималось.

30 июля 1931 г. ЦК ВКП (б) было принято постановление о подготовке издания «Истории гражданской войны» (1917-1921 гг.), которое должно было состоять из 10-15 томов сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений. Редактировать этот труд должна была Главная редакция, в которую входили: М. Горький, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов. С.М. Киров, А.С. Бубнов, Я.Б. Габарник и И.В. Сталин. Для подготовки издания учреждались также историческая и художественная редакции, объединявшие ведущих советских ученых историков и писателей. Публикации постановления предшествовала серьезная организационная работа, проводившаяся М. Горьким [1]. В 1932 г. был опубликован утвержденный главной редакцией план издания [7], и начата работа по написанию текста «Истории гражданской войны».

История обороны Царицына – тема, которая занимала особое место в советской историографии и общественной мысли в Сталинскую эпоху. Именно в Царицыне в 1918 г. началось восхождение Иосифа Сталина к вершинам партийной и государственной власти. В 1925 г. город был переименован в Сталинград, стал превращаться в

символический, идеологический, мемориальный центр, посвященный истории установления Советской власти на юге России. В 1929 г. в юбилейном сборнике, опубликованном к 50-летию И.В. Сталина, вышла статья К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия», в которой начало гражданской войны было связано с началом обороны Царицына и приездом в город будущего советского вождя [\[2\]](#). По верному наблюдению С.Ф. Найды и В.П. Наумова, именно с этого момента в исторической науке стал проявляться культ личности [\[9, с. 94\]](#).

В многотомной «Истории Гражданской войны» раздел, посвященный обороне Царицына, должен был стать одним из центральных, наиболее детально проработанных и идеологически выверенных. В томе IV «Казачья вандея» событиям, происходившим в Царицыне в 1918–1919 гг., была посвящена III часть, состоявшая из 7 глав: «Царицын как центр удара», «Царицын в период борьбы в контрреволюцией», «Первое окружение Царицына», «Военный совет, Сталин, Ворошилов, в Царицыне», «Второе окружение Царицына. “Взять Царицын”», «Враги о нас» и «Итоги и уроки борьбы» [\[7, с. 52–54\]](#).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ) сохранилась переписка, которую вел секретариат редакции «ИГВ» с авторами данного раздела, которая позволяет проанализировать как велось написание истории обороны Царицына для многотомной «Истории гражданской войны» [\[10\]](#).

Работа над этим разделом была начата в 1933 г. Его написание было поручено Эсфире Борисовне Генкиной [\[6\]](#) (1901–1978) и Григорию Ефимовичу Меерсону (1892–1937) [\[8\]](#). Оба историка были выпускниками Института красной профессуры, учениками М.Н. Покровского. Г.Е. Меерсон ранее также закончил юридический факультет Донского (бывшего Варшавского) университета, состоял в партии меньшевиков, в 1922 г. был арестован и несколько месяцев находился под следствием по подозрению в проведении антисоветской агитации и дезорганизации советского аппарата на Дону. В 1931 г. сменил проф. П.Г. Любомирова на посту заведующего кафедрой Саратовского университета, предварительно развернув травлю ученого и вынудив его уйти из университета и покинуть Саратов [\[11\]](#). В 1933 г. Г.Е. Меерсон проживал в Сталинграде, работал профессором Сталинградского института марксизма-ленинизма. Третьим автором главы об обороне Царицына в 1918 г. должен был стать один из участников боевых действий, военачальников Красной армии И.Ф. Ткачёв (1896–1938). В 1933 г. он проходил обучение в Военной академии им. Фрунзе, был членом президиума Нижне-Волжского облисполкома [\[10, л. 3\]](#).

По заданию главной редакции в архивах вёлся подбор документов по истории обороны Царицына. Э.Б. Генкиной, Г.Е. Меерсону и И.Ф. Ткачеву из центральной редакции направлялись книги и копии архивных материалов. Написание «Истории обороны Царицына» не было для авторов основной работой, велось на хоздоговорных началах, в свободное время. И.Ф. Ткачев был постоянно занят делами военной службы, ни разу не смог встретиться с другими членами авторского коллектива. Большая часть адресованных ему писем из секретариата главной редакции «ИГВ» осталась без ответа. В отведенный ему срок он не смог написать порученные главы.

Г.Е. Меерсон постоянно жаловался в письмах в секретариат главной редакции на чрезмерную учебную (более 30 часов в неделю) и партийную нагрузку, просил выхлопотать для него рабочее место в Москве, или хотя бы ходатайствовать перед крайкомом ВКП(б), чтобы написание истории обороны Царицына рассматривалось как

основной вид его партийной работы и ему был предоставлен творческий отпуск [10, л. 4-5, 43-44 об., 47 об.-48]. 19 июня 1934 г. председателю Сталинградского крайкома В.В. Птухе (1894-1938) за личной подписью М. Горького было написано официальное письмо с соответствующими просьбами: «Главная редакция "Истории гражданской войны" утвердила автором 4-го тома, 3-го раздела "Красный Царицын", тов. Меерсону. Тов. Меерсон работает уже около года над своей главой. В Секретариате по "Истории гражданской войны" для него подобран огромный архивный материал, который должен лечь в основу его работы. В настоящий момент тов. Меерсон должен в плотную приступить к написанию главы, над которой работает в течение такого большого периода и он, и научно-вспомогательный аппарат нашего Секретариата. Мы обращаемся к Вам с просьбой предоставить тов. Меерсону творческий отпуск с 1-го сентября по 1-е ноября для того, чтобы он хотя бы с опозданием против поставленных ему сроков, но все же мог закончить порученную Главной редакцией ему главу» [10, л. 83]. Поддержка на таком высоком уровне не помогла Г.Е. Меерсону. Летом 1934 г. он заболел брюшным тифом, лечился, затем проходил реабилитацию в Сочи [10, л. 93, 96-97]. Дальше сбора материала в своей работе он не продвинулсь, ни черновиков, ни готового текста в редакцию представлено не было.

В апреле 1935 г. И.Ф. Ткачеву и Г.Е. Меерсону были направлены письма с просьбами вернуть все полученные архивные материалы и книги обратно в редакцию. В начале 1936 г. Г.Е. Меерсону было предложено добровольно вернуть полученные в качестве аванса 450 рублей, которые в противном случае редакция была готова взыскать с него в судебном порядке. В ответном письме, адресованном руководителю редакции И.И. Минцу, направленном 5 апреля 1936 г., историк разразился гневной отповедью: «Для секретариата, в первую голову для Вас, не секрет, что основной архивный и газетный материал для главы о борьбе на Царицынском фронте подобран мною. Я две недели упорно работал в Архиве Красной Армии в Москве, и по моему подбору и моим инструктивным указаниям Ваша сотрудница затем отбирала соответствующие материалы. Т. Генкина получила полный комплект выписок из газеты «Борьба», на выборку которых в Саратове я затратил не меньше 300 часов (речь идет о выписках за весь 1918 год). Ведь я даже не поднимал вопроса об оплате моего труда. Если бы Вы даже мне оплатили в 1/10 долю того, что Вы и Саратовское архивное управление потратили на машинисток, то получилась бы сумма, которая с лихвой покрыла бы аванс в 450 руб. Я все же льщу себя надеждой, что это «извещение» – сплошное недоразумение. Иначе мне, как коммунисту и научному работнику, было бы за Вас стыдно!» [10, л. 311-312 об.]. Спустя 3 дня после отправки этого письма, видимо, еще до того, как оно пришло в редакцию, 8 апреля 1936 г. Г.Е. Меерсон был арестован органами госбезопасности. 9 августа 1937 г. по обвинению в руководстве контрреволюционной террористической организацией и пропаганде троцкистских идей он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. 27 июня 1956 г. был реабилитирован.

И.Ф. Ткачёв аванса за работу по написанию обороны Царицына не получал. Все полученные из редакции материалы вернул. В марте 1935 г. он был назначен начальником Главного управления Гражданского Воздушного Флота при СНК СССР, введен в состав Военного Совета Наркомата Обороны. В 1936 г. ему было присвоено звание комкора. 29 января 1938 г. он был арестован. 29 июля того же года Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Определением Военной коллегии от 8 февраля 1956 г. реабилитирован.

Жизнь Э.Б. Генкиной сложилась не так трагично. В начале 1934 г. основное место её работы (инструктор сельхозотдела Крайкома ВКП(б)) не было связано с научной деятельностью, однако благодаря ходатайству со стороны редакции «ИГВ» перед партийным руководством Саратовского края, в сентябре 1934 г. ей был предоставлен творческий отпуск для работы над текстом истории обороны Царицына. В конце августа – начале сентября этого же года Э.Б. Генкина отчитывалась в письме Е.Н. Герман как секретарю редакции, что «вышла в тему» и «нашла точку опоры», просила передать с Л.Н. Рубинштейном, который регулярно ездил из Москвы в Саратов, первый том книги Л.Д. Троцкого «Как вооружалась революция», поскольку он был изъят из всех саратовских библиотек, материалы военной секции VIII съезда партии, а также организовать интервью с К.Е. Ворошиловым и выделить средства на командировку в Сталинград для работы в архиве [\[10, л. 118-120 об.1\]](#). В 1935 г. Э.Б. Генкина переехала в Москву, поступила на работу в секретариат «ИГВ». Как отмечалось в протоколе заседания бригады V тома от 3 января 1936 г., за период с 20 ноября 1935 г., когда она приступила к работе, ей были просмотрены рукописи, хранящиеся в секретариате, проведены беседы и организовано стенографирование воспоминаний товарищей Магидова, Каменского, Левина, Батова и Романова, был подобран и окончательно спланирован весь материал к главе «Военный совет в период первого окружения Царицына». В середине января 1936 г. Э.Б. Генкина была направлена в командировку в Сталинград для сбора воспоминаний рабочих о пребывании И.В. Сталина в Царицыне, для получения некоторых дополнительных архивных и иллюстративных материалов [\[10, л. 293-295\]](#). Ей были установлены контакты с сотрудниками сталинградских музеев, которые впоследствии подбирали и отправляли фотографии, документы, воспоминания участников обороны Царицына в секретариат «ИГВ». Благодаря ходатайству редакции для дачи интервью в Москву был направлен рабочий завода «Баррикады» А.И. Ургапов.

Результаты работы Э.Б. Генкиной по изучению истории обороны Царицына нашли отражение в её докторской диссертации «Оборона Царицына в 1918 г.», которая успешно была защищена в 1939 г. На следующий год диссертация в переработанном виде была опубликована в виде монографии. Автору удалось, апеллируя к документам, воспоминаниям очевидцев, описать события, разворачивавшиеся на Царицынском фронте в 1918 г., как важнейшее событие, определившее дальнейший ход Гражданской войны. Общий настрой книги ярко передают слова, приведенные в её заключении: «В мае 1919 г. царицынский пролетариат за боевые заслуги в годы гражданской войны был награжден ВЦИК красным знаменем, а с апреля 1925 г. Царицын стал носить имя руководителя и организатора побед на Царицынском фронте, имя великого вождя большевистской партии – имя товарища Сталина... Он стал городом Сталина именно в те суровые и грозные дни 1918 г., когда под непосредственным сталинским руководством организовалась победа на Царицынском фронте. Больше двух десятилетий отделяют нас от лета 1918 г., от героической борьбы за Царицын под руководством товарищей Сталина и Ворошилова... С чувством огромной благодарности и любви вспоминает советский народ о боевом руководстве Сталина и Ворошилова, обеспечившем победу над врагами в гражданской войне» и т.д. [\[3, с. 217\]](#). В 1941 г. под редакцией И.И. Минца и Е.Н. Городецкого был опубликован сборник документов по истории Гражданской войны, в котором раздел, посвященный обороне Царицына, был подготовлен Э.Б. Генкиной [\[5\]](#). Тема обороны Царицына приобрела особую актуальность в годы Великой Отечественной войны. Исследовательницей была написана одна из первых книг, посвященных истории Сталинградской битвы, увидевшая свет в 1943 г. [\[4\]](#).

Таким образом, написание труда по истории обороны Царицына в 1918 г., выдержанного

в духе культа личности, но обладающего формальными признаками научного исторического исследования, было важной задачей, за решением которой следили люди, занимавшие высшие партийные и государственные посты в Советском Союзе в 1930-х гг. Двое из трех авторов, не проявившие усердия в данной работе, были репрессированы и расстреляны. Для Г.Е. Меерсона провал в работе по написанию обороны Царицына мог стать решающим фактором, определившем его судьбу. Э.Б. Генкина, сумев успешно завершить эту работу, стала признанным авторитетом в сообществе советских историков.

Библиография

1. Быстрова О.В. Издательский проект М. Горького "История гражданской войны": по материалам архива А. М. Горького (ИМЛИ РАН) и РГАСПИ // *Studia litterarum*. 2017. № 4. С. 378–393.
2. Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия // Stalin: сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 56–89.
3. Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.
4. Генкина Э.Б. Героический Сталинград. М.: Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат), 1943.
5. Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого; сост. Э. Н. Бурджалов, Б. Г. Верховень, Э. Б. Генкина и др. М.: Политиздат, 1941.
6. Зак Л. М. Подвижник исторической науки. К 100-летию Эсфири Борисовны Генкиной (1901–1978) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 112–116.
7. История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. М.: Объединение гос. изд-в, 1932.
8. Меерсон Григорий Ефимович // Электронный архив фонда Иоффе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arch2.iofe.center/person/44966>.
9. Найда С.Ф., Наумов В.П. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М.: Изд-во Московского университета, 1966.
10. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 36. Д. 92.
11. Соломонов В.А. Историк – страдающий: П. Г. Любомиров // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов: Наука, 2006. С. 271–275.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На протяжении последних нескольких десятилетий в российском обществе не утихают споры о революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войной. Споры эти, начавшиеся в годы Перестройки в публицистических изданиях, в дальнейшем переросли в споры между профессиональными историками. В этой связи вызывает интерес изучение формирования советской канонической истории Гражданской войны. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является история обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта «История гражданской войны» в 1930-х гг. Автор ставит своими задачами проанализировать ход работы над темой по истории обороны Царицына в годы Гражданской войны, а дать оценить вклад историков в рассмотрение данной темы. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого

находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать ход работы советских историков в рамках темы по обороне Царицына проекта "Истории гражданской войны". Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 10 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена опубликованными документами, а также материалами из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Из используемых исследований отметим труды О.В. Быстровой и В.А. Соломонова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения формирования советской исторической школы 1930-х гг. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как историей Гражданской войны в России, в целом, так и ее изучением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "исследований, посвященных истории изучения событий обороны Царицына в рамках реализации издательского проекта М. Горького «История гражданской войны», до настоящего времени не предпринималось". В работе показано, что написание раздела по обороне Сталинграда было поручено двум историкам

Эсфире Борисовне Генкиной и Григорию Ефимовичу Меерсону, а также военачальнику И. Ф. Ткачеву. Ткачев, занятый военной службой, фактически не приступил к работе. Представляется интересным авторская гипотеза о том, что неудача в работе над темой Меерсона привела к репрессиям против него, в конечном итоге, к расстрелу. В то же время, как отмечает автор, "Э.Б. Генкина, сумев успешно завершить эту работу, стала признанным авторитетом в сообществе советских историков".

Главным выводом статьи является то, что "написание труда по истории обороны Царицына в 1918 г., выдержанного в духе культа личности, но обладающего формальными признаками научного исторического исследования, было важной задачей, за решением которой следили люди, занимавшие высшие партийные и государственные посты в Советском Союзе в 1930-х гг."

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, в тексте имеются опечатки ("имя великого вождя большевистской партии").

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Близняков Р.А. Паломничество как явление и особенности российской паломнической деятельности в Палестине во второй половине XIX – начале XX веков // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.70781 EDN: CXQALD URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70781

Паломничество как явление и особенности российской паломнической деятельности в Палестине во второй половине XIX – начале XX веков

Пашковский Петр Игоревич

ORCID: 0000-0001-5403-3797

доктор политических наук

профессор; кафедра политических наук и международных отношений; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского"

295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

✉ petr.pash@yandex.ru

Крыжко Евгений Владимирович

ORCID: 0000-0001-9943-819X

кандидат исторических наук

доцент; кафедра археологии и всеобщей истории; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского"

295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

✉ jeyson1030@gmail.com

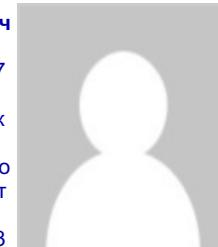
Близняков Роман Александрович

ORCID: 0000-0002-9863-0267

кандидат исторических наук

Заведующий научно-исследовательской лабораторией "Сакральные ландшафты Византийского порубежья"; Севастопольский государственный университет

299053, Россия, Севастополь, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

✉ bliznyakov80@mail.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.70781

EDN:

CXQALD

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2024

Аннотация: В статье рассмотрена проблема сущности феномена паломничества и его проявлений на примере паломнической деятельности Российской империи в Палестине во второй половине XIX – начале XX вв. Показано, что паломничество определяется как путешествие к святым местам и имеющим сакральное значение реликвиям по определённому маршруту в религиозных, оздоровительных или иных целях. Эта деятельность включает четыре этапа и характеризуется наличием семи функций: духовно-просветительской; образовательной; миссионерской; коммуникационной; приходосплачивающей; благотворительной; обмена опытом. Традиция путешествий к святым местам существовала на протяжении всей истории человечества. В христианскую эпоху особой практикой становится неразрывная связь паломничества с религиозным опытом. В рассматриваемый период особое место занимает деятельность Императорского Православного Палестинского Общества. Методологической основой исследования являются положения неореализма и системного подхода, производной чего стало применение историко-генетического, сравнительного и деятельностного методов. Выявлено, что опыт российского паломничества включает пять этапов. Для третьего (Палестинского) этапа характерно увеличение интереса Российской империи к Ближневосточному региону. Это обусловило необходимость аргументации намерений России относительно территории Османской империи, способствуя усилению российского духовного присутствия в Палестине и активизации паломнического движения в данном направлении, которые со второй половины XIX в. последовательно поддерживались на государственном и церковном уровнях. В результате была основана Русская духовная миссия, на Святой Земле приобретались и застраивались земельные участки, создавалась инфраструктура. Были основаны сопутствующие этой деятельности государственные и церковные структуры. Затем создаётся Императорское Православное Палестинское Общество, которое становится основным организатором российского духовного присутствия, миссионерской и паломнической деятельности в регионе в рассматриваемый период.

Ключевые слова:

паломничество, Российская империя, Русская Православная Церковь, Палестина, Святая Земля, Ближневосточный регион, Восточный вопрос, Русская духовная миссия, ИППО, миссионерство

Статья подготовлена по результатам исследований в рамках государственного задания РАН (тема №FEFM-2024-0016)

Исторически феномен паломничества к святым местам приобретает особую значимость в эпохи перемен и экзистенциальных кризисов. В современных условиях усиления конфронтации России и коллективного Запада – проявляющейся на политическом, экономическом и социальном-гуманитарном уровнях [1] – актуализируются вопросы, связанные с преодолением углубляющихся «разделительных линий», поиском жизненных смыслов и духовных практик, способных объяснить и попытаться оказать позитивное влияние на ситуацию в состоянии экзистенциального кризиса и переоценки

ценностей. Это побуждает обратиться к отечественному опыту паломничества в период второй половины XIX – начала XX в.: эпохи глобальных геополитических трансформаций, «сползания мира к войне» и социально-политических катаклизмов [2; 3; 4], что, проводя исторические аналогии, может содействовать в решении похожих проблем настоящего времени.

Изучение феномена паломничества характеризуется обширной отечественной и зарубежной историографией [5–33], включающей многочисленные труды учёных, священнослужителей и публицистов. При этом в процессе характеристики различных аспектов обозначенного направления авторы зачастую уделяют недостаточное внимание вопросам сущностного характера, связанным с рассмотрением происхождения и специфики феномена паломничества и его проявлений на примере паломнической деятельности Российской империи в Палестине во второй половине XIX – начале XX в. Настоящая публикация имеет целью осуществление обзорного анализа обозначенной проблемы.

Понятие «паломничество» (от лат. *palma* – пальма; лат. *peregrinus* – чужеземец, странник) определяется как «путешествие верующих к «святым местам» [34, с. 356], «географическим местам и реликвиям, имеющим сакральное значение». Происхождение данного слова «связано с обычаем христианских паломников (пилигримов) приносить из Иерусалима пальмовые ветви». Приято считать, что паломничество «присуще фактически любой религии. Традиционно его важным элементом является преодоление трудностей пути» [35].

Паломничество, «как путешествие с религиозными целями», вошло «в метафорический ряд, связанный с понятием «пути»: странствие, течение человеческой жизни, познание (ученичество) и т. п. Переносный смысл в большей или меньшей степени присутствует в терминах «паломничество», «странничество» и актуализируется на разных этапах религиозного развития и в истории паломнической литературы» [36].

Традиционно паломничество представляет собой поездку верующих людей по определённому маршруту в целях посещения святого места для молитвы и духовной пользы. Часто это осуществляется ради исполнения обета, с просьбой об исцелении от болезни или для иных нужд. Пунктами паломничества зачастую являются значимые для верующих места: святые источники; чудотворные иконы; храмы; мощи и захоронения святых [16; 17; 19; 20; 31; 33].

Паломническую деятельность можно разделить на четыре этапа: 1) подготовка к паломничеству; 2) путешествие к обозначенному святому месту; 3) достижение цели путешествия и пребывание на святом месте; 4) возвращение домой. При этом выделяются следующие функции паломничества. Во-первых, духовно-просветительская функция: участие в молитве, богослужениях и церковных таинствах, что способствует «духовному возрастанию» участников такой поездки. Во-вторых, образовательная функция: получение знаний об истории посещаемых мест; знакомство с культурными достопримечательностями (памятники архитектуры, литературы и т. д.); формирование понимания роли конкретного святого места в отечественной и международной духовной жизни. В-третьих, миссионерская функция: приобщение к церкви людей, ранее мало связанных с Православием. В-четвёртых, функция общения (коммуникации): знакомство, обмен опытом и впечатлениями, дружба и единство в православной вере; формирование особого круга единомышленников. В-пятых, функция объединения (приходосплачивающая): следствие отправления на святое место прихожан одного

храма совместно со священником, производной чего становится осознание православной соборности и общей молитвы. В-шестых, благотворительная функция: возможность увидеть собственными глазами, в чём нуждается определённая святыня, и оказать финансовую помощь. В-седьмых, функция обмена опытом: паломнические центры, функционирующие на святых местах, могут поделиться знаниями об организации и устройстве аналогичных мероприятий [\[11, с. 139–142\]](#).

На протяжении всей человеческой истории существовала традиция путешествий к святым местам. Акты паломничества фиксировались рассказами участников таких путешествий, формируя культурные и религиозные практики: с одной стороны, как примеры деятельности, происходящей в конкретный период, а с другой, - истории об этом, пересказанные позже. В свою очередь, неразрывная связь паломничества с религиозным опытом становится определённой религиозной практикой только в христианскую эпоху [\[19; 20; 27; 28; 33\]](#).

Одновременно с принятием христианства паломничество возникает на Руси. В дальнейшем сформировался российский опыт паломничества, характеризуясь наличием следующих исторических этапов: 1) Византийский этап (Х – XVI вв.); 2) Московский этап (XVI – 50-е гг. XIX в.); 3) Палестинский этап (вторая половина XIX в. – 1914 г.); 4) Советский этап (1914 г. – начало 1990-х гг.); 5) Российский (современный) этап (начало 1990-х гг. – настоящее время) [\[12, с. 127–128\]](#).

Рассматриваемый третий этап паломничества в России (вторая половина XIX в. – 1914 г.) во многом стал следствием обострения Восточного вопроса (когда существовавшая на протяжении столетий проблема святых мест, получает своё разрешение) на фоне общего нарастания напряжённости и противоречий в отношениях великих держав в контексте оформления причин и предпосылок Первой мировой войны [\[11; 15; 18; 26\]](#). Это было время, когда, выражаясь словами российского учёного А. И. Уткина, «начался безумный европейский раскол, стоявший ей в целом – и каждому великому национальному государству в отдельности – места центра мировой мощи, авангарда мирового развития. Блестящая плеяда дипломатов слишком уверовала в незыблемость Европы как мировой оси, места отсчёта мирового развития. Европа поплатилась за ожесточённое самомнение, за узость мыслительного горизонта. Оказалось непрочным мировое равновесие, тонка плёнка цивилизации, горькими стали последствия небрежного отношения к нуждам европейских народов» [\[4, с. 11–12\]](#).

В указанный период происходит актуализация значения Востока в мировой политике. «Берлинский трактат в отличие от Парижского мира, - писали российские исследователи, - явился документом новой эпохи, а в его статьях нашли отражение тенденции, свидетельствовавшие об активном проникновении торгового и финансового капитала великих держав на Балканы и Ближний Восток. Вместе с тем он оказывал влияние на весь комплекс международных и межгосударственных противоречий во всех регионах, но прежде всего связанных с решением Восточного вопроса. Периодически возгорались кризисы большего или меньшего размаха и продолжительности. Со временем они происходили чаще, становились интенсивнее, охватывали большее количество участников» [\[37, с. 388\]](#).

Обозначенные тенденции способствовали увеличению интереса Российской империи к Ближневосточному региону, что обусловило необходимость «вуалировать» российские намерения в отношении территорий Османской империи, в том числе посредством паломнической деятельности. В результате в эти годы активизируется паломничество из

России в Палестину, а также появляются связанные с этим государственные и церковные учреждения [12; 18; 20; 22; 23; 27]. Так, в 1847 г. в Иерусалиме была основана Русская духовная миссия (РДМ), а в 1882 г., по инициативе великого князя Сергея Александровича, создаётся Православное Палестинское Общество (которое в 1889 г. было удостоено звания императорского – далее: ИППО) в целях оказания помощи русским паломникам на Святой Земле. Впоследствии в 1848–1918 гг. служение РДМ в Палестине расширялось. Проявлением этого стали приобретение новых земельных участков и создание инфраструктуры, позже получившей название «русской Палестины» [11, с. 135–137].

Значительное увеличение российского присутствия на Ближнем Востоке во многом было производной государственной и церковной поддержки РДМ [12, с. 128]. В 1856 г. разрабатывается проект по созданию инфраструктуры на Святой Земле для развития Православия в регионе и продвижения русского паломничества. Тогда же, в целях транспортировки российских паломников из Одессы в Яффу и обратно, было основано Русское общество пароходства и торговли. В 1857 г. активизируется деятельность РДМ, которая, вследствие военных действий в период Крымской войны, была эвакуирована из Палестины. 1858 г. ознаменовался открытием в Иерусалиме российского дипломатического консульства. А в 1859 г. в Санкт-Петербурге был создан «Комитет для принятия мер по устройству богоугодных заведений для православных паломников» (Палестинский комитет), который в 1864 г. был преобразован в Палестинскую комиссию при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи. Значительную роль в развитии паломничества играла РДМ и, в частности, один из её начальников архимандрит Антонин, благодаря которому приобретаются и застраиваются 14 земельных участков общей стоимостью в 1 млн. золотых рублей [15, с. 58].

В 1889 г. указом императора Александра III Палестинская комиссия при Азиатском департаменте МИД распускается, а её функции, владение и имущество (включая подворья в Иерусалиме и другую недвижимость, принадлежащую Российской империи в Палестине) передаются ИППО, которое становится основным организатором православного паломничества в Российской империи вплоть до 1917 г. [18; 26; 29]. Согласно уставу, на ИППО возлагалась реализация трёх основных функций. Во-первых, заниматься организацией и обустройством русских паломников на Святой Земле. Во-вторых, оказывать помощь и поддержку Православию в регионе Ближнего Востока посредством благотворительности и просветительской работы в среде арабского населения. В частности, к 1914 г. на содержании Общества числилось 113 школ, училищ и учительских семинарий в Палестине, Сирии и Ливане, что являлось продолжением аналогичных инициатив РДМ. В-третьих, осуществлять научную и издательскую работу по исследованию истории и современного положения Палестины и Ближнего Востока в целом, предполагавших организацию научных экспедиций и археологических раскопок, а также пропаганду знаний о Святой Земле в России. С момента своего основания до событий 1917 г. ИППО пользовалось всесторонней государственной поддержкой. Первоначально Общество возглавлял упоминаемый великий князь Сергей Александрович, после гибели которого в 1905 г. этот пост заняла его вдова, великая княгиня Елизавета Фёдоровна. ИППО имело высокий статус, проявлявшийся, в том числе в активном и стабильном государственном и частном финансировании [38].

Примечательно, что к началу Первой мировой войны в составе ИППО значилось около 3000 членов, отделения Общества функционировали в 52 епархиях РПЦ, а принадлежало ему 28 земельных участков. В Палестине в 24 учебных заведениях ИППО

числилось 1576 обучающихся, а в 77 школах Ливана и Сирии таковых насчитывалось 9974. Принадлежавшие Обществу в Палестине подворья и странноприимные дома в течение года обеспечивали приют и ночлег около 10000 человек [11, с. 135].

В целом, на вторую половину XIX в. приходится апогей развития политических, культурных и церковных отношений Российской империи с Ближневосточным регионом. Кроме образования церковных организаций и приобретения земель в Палестине, путешествия русских паломников в этот регион, которые приобретали всё более массовый характер, облегчала деятельность Русской пароходной компании, а также строительство железных дорог в южном направлении [12, с. 129]. При этом наиболее посещаемыми городами здесь были Иерусалим, Вифлеем и Назарет [11, с. 137].

Следует отметить, что количество паломников из России на Святую Землю увеличивалось с начала 20-х гг. XIX в. Так, до 1821 г. Палестину посещало в среднем 200 русских паломников в год, в начале 1840-х гг. таковых насчитывалось до 400, а в 1858 г. – примерно 800. Их число ежегодно возрастало, составив за период 1865–1899 гг. 75596 человек. Показательно, что на Пасху 1914 г. в Палестину приехало около 6000 паломников из России, которые с начала своего путешествия были окружены заботой и вниманием. Помимо бесплатного визирования паспортов и упоминаемых рейсов пароходов из Одессы до Яффы, в этом городе их ожидала встреча с русскими людьми (в том числе чиновниками консульства), предоставлялись питание, ночлег и госпиталь. Паломников водили группами по определённому маршруту. После окончания этого действия их сажали на идущие в Российскую империю пароходы [39].

Первая мировая война и последующие события прерывают связи России (СССР) с Палестиной, находящейся под мандатом Великобритании. Однако в 1918–1948 гг. «русскую миссию» на Святой Земле продолжают поддерживать представители русской эмиграции, а также принявшие решение остаться здесь паломники и насельники монастырей [11; 18; 20; 26; 29].

Таким образом, паломничество представляется путешествием к святым местам и имеющим сакральное значение реликвиям по определённому маршруту в религиозных, оздоровительных или иных целях. Эта деятельность включает четыре этапа (подготовка; путешествие; приезд и пребывание; возвращение) и характеризуется (в зависимости от целей и ситуации в каждом конкретном случае) наличием семи функций: духовно-просветительской; образовательной; миссионерской; коммуникационной; приходосплачивающей; благотворительной; обмена опытом. Подобная традиция путешествия к святым местам существовала на протяжении всей истории человечества. Однако лишь в христианскую эпоху особой практикой становится неразрывная связь паломничества с религиозным опытом.

Российский опыт паломничества насчитывает пять основных исторических этапов. Хронологические рамки третьего (Палестинского) этапа связаны с событиями, начиная со второй половины XIX в. до Первой мировой войны, когда – на фоне нарастания напряжённости в отношениях великих держав, формирования почвы для военного противостояния мирового масштаба, внутренних и внешних кризисных проявлений – увеличивается роль Востока в международной политике. В этот период возрастает интерес Российской империи к Ближневосточному региону, обусловивший императив аргументации её намерений относительно территории Османской империи, что способствовало усилиению российского духовного присутствия в Палестине и активизации паломнической деятельности в данном направлении, которые со второй

половины XIX в. последовательно поддерживались на государственном и церковном уровнях.

Для этого основывается РДМ, на Святой Земле приобретаются и застраиваются земельные участки, создаётся соответствующая инфраструктура, а также Русское общество пароходства и торговли и ещё ряд государственных структур. В дальнейшем было основано ИППО, ставшее основным организатором российского духовного присутствия, в том числе православного паломничества. Это Общество имело высокий статус и значительную государственную и церковную поддержку, располагая большим количеством землевладений, а также школ, учительских семинарий и училищ в Палестине, Ливане и Сирии, где числились тысячи обучающихся. Деятельность ИППО – направленная на организацию русского паломничества, поддержку и развитие Православия в регионе, научную и издательскую работу – во многом способствовала планомерному увеличению числа паломников из России на Святую Землю во второй половине XIX – начале XX в., путешествия которых приобретали всё более массовый и системный характер вплоть до событий 1917 г.

Библиография

1. Жильцов С. С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 8–16. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16>
2. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионология. 2023. Т. 31. № 1. С. 30–45.
3. Крыжко Е. В., Пашковский П. И., Чемодуров Н. Н., Чарусов Т. А. Британская русофобия в первой половине XIX века: военный аспект // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 2. № 52. С. 568–575.
4. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Эксмо, 2002.
5. Алексеева Н. В. Паломничества как особая форма почитания северорусских святых и святынь в крестьянской среде XIX в.: [в т. ч. в Вологодской губ.] // Культура и словесность Русского Севера: сб. науч. ст. Череповец, 2010. С. 9–15.
6. Алексеева Н. В. Традиция паломничества на Европейском Севере в XIX в. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 167–172.
7. Аникеев Е. С. На пути во Святую землю: паломнические поездки русских студентов в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/org/pal%20/7/>
8. Балдин К. Е. Источники личного происхождения о русском православном паломничестве конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/4/opis/3/?ysclid=luei16994q335912153>
9. Балдин К. Е. На пути в Святую землю: Мемуары русских паломников о путешествии из России в Палестину (2-я половина XIX – начало XX в.). [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/palomnik/blogs/na-puti-v-svjatuju-zemliu-memuary-russkih-palomnikov-o-puteshhestvii-iz-rossii-v-palestinu/>
10. Блинова Л. Н. Русский паломник XIX века. [Электронный ресурс]. URL: http://jerusalem-ippo.org/sv_z/pal/rp_foto/?ysclid=luwp7a2lkp455378627
11. Бобров В. И., протоиерей. Паломничество как исторический и духовный феномен // Богословский сборник: периодическое издание. Вып. 14 / Гл. ред. митр. Новосибирский и Бердский Никодим (Чибисов), зам. гл. ред. прот. Борис Пивоваров, ректор Новосибирской православной духовной семинарии. Новосибирск: Новосибирская православная духовная семинария, 2020. С. 129–144.
12. Бушуева С. В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник

- Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 127–131.
13. Грушевой А. Г. Специфические черты российского паломничества в Палестину на рубеже XIX – XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2017. Т. 36. С. 62–77.
14. Дмитриевский А. А. Современное русское паломничество в Св. Землю. [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/org/pal%20/3/>
15. Ершов Б. А., Черкасов Д. Р., Чирков И. А. Православное паломничество в XIX – начале XX веков и влияние государственного аппарата на православное паломничество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 2. С. 58–60.
16. Житенёв С. Ю. Православное паломничество // Русская история. 2011. № 3 (17). С. 14–19.
17. Житенев С. Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М.: Индрик, 2012.
18. Житенёв С. Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Журнал института наследия. 2017. № 2 (9). С. 1–24.
19. Игumen Паҳомий (Брусков). О паломничестве. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/43341.html?ysclid=lv51vdyeo463393053>
20. История православного паломничества. [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/istoriya-pravoslavnogo-palomnichestva.html?ysclid=luehxlgp9o4188530>
21. Катунин Ю. А. Монастыри Крыма в XIX–XX веках (по материалам крымских архивов). Симферополь: Культура народов Причерноморья, 2000.
22. Ковалев-Случевский К. Паломничество в России: пути и традиции. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/114816.html?ysclid=luwp6w2x9k946343335>
23. Кондаков Ю. Е. Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX в. // История повседневности. 2023. № 2. С. 22–36. DOI: 10.35231/25422375_2023_2_22
24. Кочеляева Н. А. Паломничество в контексте русской культуры XII – XVII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 34–42.
25. Куницын К. Паломничества русских людей в Святую Землю с древних времен до XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbda.ru/publications/kirill-kunicyn-palomnichestva-russkih-lyudey-v-svyatyyu-zemlyu-s-drevnih-vremen-do-xix-veka/>
26. Лисовой Н. Н. Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI века // Российская история. 2007. №. 1. С. 3–22.
27. Носова Е.В. К истории православного паломничества // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. №. 6. С. 40–44.
28. Паламаренко Е. В. О формировании концепции православного паломничества в Святую Землю // Казачество. 2016. № 24. С. 92–97.
29. Платонов П. В. Роль ИППО в организации быта и нужд русских поклонников в конце XIX – начале XX веков. [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org/russia/ippo/palomnichestvo/1/>
30. Пономарев Е. Р. Тревелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/6/travelog-vs-putevoj-ocherk-postkolonializm-rossijskogo-izvoda.html>
31. Соколов М. А. Паломничество как феномен русской культуры. Гносеологический аспект. [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/86/006/69734.php>
32. Танееева Е. Ш., Волжина С. К. Роль паломнических поездок в организации православного отдыха // Сервис в России и за рубежом. 2013. №. 9 (47). С. 191–198.

33. Severn P. A History of Christian Pilgrimage // International Journal for the Study of the Christian Church. 2019. С. 1–17.
34. Словарь исторических и общественно-политических терминов / Автор-сост. В. И. Васильев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005.
35. Афиногенова О. Н. Паломничество // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2705347?ysclid=lv51pzmcxa441979869
36. Назаренко А. В., Гуминский В. М. Паломничество // Православная Энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578754.html?ysclid=lv51wbaauq902139604>
37. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начала XX века / [М. Ю. Анисимов, А. В. Виноградов, Г. А. Гребенщикова, А. В. Игнатьев, Е. И. Кобзарева, Е. П. Кудрявцева, И. С. Рыбачёнок, Г. А. Санин, В. М. Хевролина]. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.
38. Лисовой Н. Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-vos.net/history/ippo/kon/5/?ysclid=lvifaijo54155687292>
39. Никифорова О. Паломничество во Святую землю в XIX – начале XX века. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miass-hram.ru/index.php/stranitsy-istorii-i-kultury/2282-palomnichestvo-vo-svyatyyu-zemlyu?ysclid=lvif6kak4f70764179>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В эпоху Перестройки в условиях крушения господствовавшей на протяжении семидесяти лет официальной коммунистической идеологии произошел глубокий духовный кризис советского общества. В этот период активизировались различные сектантские группы, но в первую очередь возрос авторитет традиционных религий. Тысячелетие крещения Руси, торжественно отмечавшееся в 1988 году, привлекло повышенное внимание к Русской православной церкви, что вызвало рост исследований, посвященных истории православия. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов истории православия в России.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является российская паломническая деятельность в Палестине во второй половине XIX – начале XX веков. Автор ставит своими задачами определить дефиницию "паломник", рассмотреть четыре составляющих паломнической деятельности, проанализировать исторические этапы в паломнической деятельности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: в работе отмечается, что современные "авторы зачастую уделяют недостаточное внимание вопросам сущностного характера, связанным с рассмотрением происхождения и специфики феномена паломничества и его проявлений на примере паломнической деятельности Российской империи в Палестине во второй половине XIX – начале XX в."

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 39

различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим словари и энциклопедические статьи, раскрывающие понятие "паломничество". Из используемых исследований укажем на труды Е.В. Носовой, Е.В. Паламаренко, Н.А. Кочеляевой, Ю.Е. Кондаковой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения российского паломничества. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей православия, в целом, так и российским паломничеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "паломничество представляет собой поездку верующих людей по определённому маршруту в целях посещения святого места для молитвы и духовной пользы". Автор выделяет следующие этапы в истории российского паломничества: " 1) Византийский этап (Х – XVI вв.); 2) Московский этап (XVI – 50-е гг. XIX в.); 3) Палестинский этап (вторая половина XIX в. – 1914 г.); 4) Советский этап (1914 г. – начало 1990-х гг.); 5) Российский (современный) этап (начало 1990-х гг. – настоящее время)". В работе показано, что "вторую половину XIX в. приходится апогей развития политических, культурных и церковных отношений Российской империи с Ближневосточным регионом". Автор подробно рассматривает деятельность Императорского православного палестинского общества, кроме того весьма ценными являются статистические данные.

Главным выводом статьи является то, что деятельность ИППО "направленная на организацию русского паломничества, поддержку и развитие Православия в регионе, научную и издательскую работу – во многом способствовала планомерному увеличению числа паломников из России на Святую Землю во второй половине XIX – начале XX в., путешествия которых приобретали всё более массовый и системный характер вплоть до событий 1917 г."

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования!".

Англоязычные метаданные

On the issue of the methodology of the study of petroglyphs of medieval architectural structures of the North Caucasus

Iliasov Lecha Makhmudovich

PhD in Philology

Independent researcher

117335, Russia, Moscow, ul. Trade Union, 42, office 4

 lechailiyasov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of the methodology of the study of petroglyphs of architectural structures of the North Caucasus. The author considers methodological approaches to the interpretation of their semantics, taking into account the dual nature of petroglyphs of architectural structures, which, on the one hand, are a special cultural phenomenon with their pictorial traditions and a set of symbols, and, on the other, genetically go back to rock art, respectively, possessing the properties of rock paintings. The author believes that, interpreting the semantics of petroglyphs and their compositions, it is very important to take into account the historical context in which they were created and consider their significance in line with religious traditions relevant to the population of that era. According to the author, epic formulas or ideograms that originate in rock art play a special role in deciphering the meaning of petroglyphs of architectural structures, and in petroglyphs of architectural structures they acquire a specific character due to a narrow set of sacred symbols. The methodological basis of the research is a set of general historical, ethnographic and archaeological research methods, the use of which is determined by the nature of the material being studied. The author believes that, despite the difficulties of interpreting petroglyphs of architectural structures associated with the reconstruction of religious and mythological representations of the ancient population, it is a certain set of sacred symbols and their compositions, as well as epic formulas, that are the key to their deciphering. Petroglyphs of architectural structures have their origin in ancient rock art, which makes it possible to use in their research, including methodological techniques for studying rock paintings, the historiography of which has almost 150 years and a huge number of scientific monographs and articles. At the same time, the petroglyphs of medieval buildings in the North Caucasus possessed expressive self-sufficiency, which allowed the peoples of the region to use it to fix their religious, mythological and social traditions for transmission to the next generations.

Keywords: visual traditions, mythology, religious ideas, methods of studying petroglyphs, petroglyphs of architectural structures, rock art, epic formulas, religious buildings, medieval folk architecture, North Caucasus

References (transliterated)

1. Kobychev, V.P. Yazyk est' nem // Sovetskaya etnografiya. 1973. №4 (iyul' – avgust). S. 149-159.
2. Bashkirov, A.S. Petrografika Avarii // Trudy RANION. 1930. T.5. S. 126-133.
3. Shilling, E.M. Izobrazitel'noe iskusstvo narodov gornogo Dagestana // Doklady i soobshcheniya istoricheskogo fakul'teta MGU. M., 1950. Kn. 9. S. 47-75.

4. Ataev, D.M., Markovin, V.I. Petrografika gornoi Avari // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury imeni G. Tsadasy. Makhachkala, 1964. Tom 14. S. 342-374.
5. Markovin, V.I. K metodike izucheniya smyslovogo soderzhaniya srednevekovykh petroglifov Severnogo Kavkaza // Metodika issledovaniya i interpretatsiya arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. S. 102-123.
6. Perfil'eva, L.A. Ob osobennostyakh upotreblenii srednevekovykh petroglifov na Severnom Kavkaze // Metodika issledovaniya i interpretatsiya arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. S. 124-136.
7. Malinovskii, B. Magiya, nauka i religiya. M.: Akademicheskii proekt, 2024. 330 s.
8. Bradley, Richard. Mixed media, mixed religious transmission in Bronze Age Scandinavia // Picturing the Bronze Age. Oxford: Oxbow books, 2015. pp. 37-46.
9. Savinov, D.G. Na puti raskrytiya soderzhaniya pamyatnikov naskal'nogo iskusstva // Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii. – Kemerovo, 2021. S. 238-248.
10. Okladnikova, E.A. Stilistika naskal'nogo iskusstva neolita i bronzovogo veka yuga Sibiri i protsess formirovaniya kul'turnykh mifov // Homo Eurasicus v glubinakh i prostranstvakh istorii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Okladnikova. SPb.: Asterion, 2008. S. 166-175.
11. Savinov, D.G. K voprosu o khronologii i semantike izobrazhenii na plitakh ograd tagarskikh kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) // Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu. Kemerovo, 1976. S. 52-72.
12. Markovin, V.I. Pamyatniki zodchestva v gornoi Chechne (po materialam issledovanii 1957-1965 gg.) // Severnyi Kavkaz v drevnosti i v srednie veka. M., 1980. S. 184-271.
13. Sovetova, O.S. Naskal'noe iskusstvo kak istochnik po istorii material'noi i dukhovnoi kul'tury naseleniya basseina Srednego Eniseya v epokhu rannego zheleznogo veka: spetsial'nost' 07.00.06 «Arkheologiya»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk / Sovetova Ol'ga Sergeevna; Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. Kemerovo, 2007. 440 s.
14. Bubentsova, A.V. Petroglificheskie teksty kul'tury territorii Severo-Zapada Rossii: tipologiya i semantika: spetsial'nost' 24.00.01 «Teoriya i istoriya kul'tury»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena. Sankt-Peterburg, 2014. S. 126-127.
15. Dalgat, U.B. Geroicheskii epos chechentsev i ingushei. M.: Nauka, 1972. 462 c.
16. Dalgat, B.K. Pervobytnaya religiya chechentsev // Terskii sbornik. – Vladikavkaz, 1893. 132 s.
17. Skoglund, P. Cosmology and Performance: narrative perspectives on Scandinavian rock art // Changing Pictures. Rock Art Traditions and Visions in Northern Europe. Oxford and Oakvill: Oxbow Books. 2010. pp. 127-138.
18. Devlet, E.G., Devlet, M.A. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. M.: Aleteia, 2005. 472 s.
19. Krivitskii, V.V. Religioznye predstavleniya naseleniya Severnogo Kavkaza v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza po pamyatnikam prikladnogo iskusstva. SPb.: Poltorak, 2012. 85 s.
20. Kantariya, M.V. Vselennaya v predstavleniyakh vainakhov i osetin // Sovetskaya etnografiya. 1990. №2. S. 104-111.

The ethnic aspect of the Yuan Empire's liquidation

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. This paper examines the importance of Chinese ethnicity through the example of the historically first dynasty named the Yuan Dynasty, where the rulers were nomadic conquerors and not of Han descent. The aim of the paper is to explore the ethnic aspect of the process of liquidating the Yuan Empire and the importance of the unity of the Chinese people. The methodology of the paper includes the use of different resources, including chronicles, historical research and sources showing the realities not only from the Chinese side, but also from the Mongol side. This approach makes it possible to consider the issue from both sides and obtain more objective conclusions. The results show that the importance of the unity of the Chinese people became evident as early as the Han era, when the concept of "Han man" became politically significant. For the first time, cultural attributes were no longer the only factor uniting people, and nationality became crucial to the unity of the state. The scope of the work includes the study of Chinese history, ethnic relations and nationality issues. The novelty of the work lies in the use of different sources and consideration of the issue from different angles, which allows for a more complete picture of historical process. The conclusions of the paper emphasise the importance of nationality as a sign for state unity and show that national problems can become a factor that can weaken and destroy even the most powerful states.

Keywords: China, ethnic aspect, Mongols, nationality, Yuan Empire, ethnicity, Han, Chinese history, Chinese culture, ethnic conflict

References (transliterated)

1. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
2. 王太岳. 四庫全書考證 3 史部. 上海:上海三联书店, 2021年. 955-1476页.
3. 乌兰. 元朝秘史. 北京:中华书局, 2012年. 409页.
4. 萨囊彻辰. 蒙古源流 蒙古族史籍. 北京:中国国际广播出版社, 2016年. 454页.
5. 王淼. 滥赐与元朝的灭亡——基于经济学的考察. 丝绸之路, 2013 (08), 37-38. Van Myao. Chrezmernoe darovanie i gibel' Yuan'skoi dinastii: vyvody, osnovанные на экономических исследований // Velikii shelkovyi put'. 2013. №8. S. 37-38.
6. 刘海威. 元朝灭亡文化因素的思考. 元史及民族与边疆研究集刊, 2017 (02), 121-126. Razmyshleniya o kul'turnykh faktorakh gibeli Yuan'skoi dinastii // Vestnik istorii, etnicheskikh i pogranichnykh issledovanii dinastii Yuan'. 2017. №2. S. 121-126.
7. 曹汉奇. 元朝的社会矛盾问题[J]. 历史教学问题, 1957 (02), 23-25. Voprosy sotsial'nogo protivostoyaniya Yuan'skoi dinastii // Problemy prepodavaniya istorii. 1957. № 2. S. 23-25.
8. 李强, 徐康宁, 魏巍. "康乾盛世"真的存在吗——基于经济数据测算的分析[J]:北京社会科学, 2013(01), 62-71.
9. 关于习近平"地图之问"的思考 Razmyshleniya po povodu "voprosa o karte" Si Tszin'pina [Elektronnyi resurs] URL: <http://news.sohu.com/20140619/n401060842.shtml> (data

- obrashcheniya: 10.02.2023).
10. 李新. 易经解义. 北京: 九州出版社, 2023年, 414页.
  11. 陈高华. 元典章. 北京: 中华书局, 2011年, 2490页.
  12. 权衡. 庚申外史. – 北京: 文殿阁书庄, 1937. 64页.
  13. 周鼎初. 元代农民起义的历史特点及社会原. 咸宁师专学报, 1987 (01), 83-90. Chzhou Dinchu. Istoricheskie osobennosti i sotsial'nye prichiny krest'yanskikh vosstanii pri Yuan'skoi dinastii // Vestnik Khubeiskogo universiteta nauki i tekhnologii. 1987. № 1. S. 83-90.

On the Validity of the Separation of the Category "Origins of Law" in the Theory of Law and State

Sheptalin Aleksei Aleksandrovich

PhD in History

Associate professor, Department of Theory and History of State and Law, Udmurt State University

426034, Russia, republika Udmurtskaya, g. Izhevsk, ul. Universitetskaya, 1, korpus 4, of. 341

✉️ sheptalin@list.ru

Abstract. The object of research attention in the article was the phenomenon of the origins of law. The main approaches in Russian historiography to the definition of the sources of law and their relationship with the sources of law are considered as the subject of the study. The purpose of the work is to attempt to substantiate the need to separate the sources of law from the semantically overloaded category of sources of law into an independent category. The author pays special attention to the polarity of opinions in the existing discussion regarding the origins of law, which is due to both the lack of elaboration of the problem, the polysemy of the term "source", and the differences in approaches to legal understanding. The author focuses on the fact that in various classifications there is a special division of the sources of law into "primary", which once in ancient times laid the foundation for the institution of law, and "secondary", functionally feeding the law up to the present. On this basis, regardless of the approach to understanding law, it seems logical to separate the "primary" sources of law into a separate theoretical category of "sources of law" with the prospect of its consolidation in the theory of state and law. The practical significance of the allocation and the need for a special study of the origins of law are justified by the fact that the search and identification of the chronologically oldest sources of law in the system of regulatory regulation of a potestar-early class society can be the key to an attempt to develop a universal, integrative definition of law.

Keywords: legal custom, judicial precedent, Neolithic court, genesis of law, mononorm, tribal community, law-forming factors, sources of law, origins of law, legal anthropology

References (transliterated)

1. Avakyan R. O. Pamyatniki armyanskogo prava, ikh istoki i vzaimodeistvie s pravom drugikh narodov // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. 2013. № 2. S. 35–48.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. Kurs v 2 t. T. II. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. 360 s.
3. Antonenko T. A., Milyavskaya Yu. V. Istoki i istochniki prava v demokraticeskem gosudarstve // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 8 (87). S. 46–51.

4. Valeev D. Zh. Obychnoe pravo i nachal'nye etapy ego genezisa // Pravovedenie. 1974. № 6. S. 71–78.
5. Vengerov A. B. Znachenie arkheologii i etnografii dlya yuridicheskoi nauki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1983. № 3. S. 28–36.
6. Greben'kov G. V. Ob apriornykh osnovaniyakh prava // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. T. 6. № 12A. S. 20–32.
7. Istoki i istochniki prava : genezis i evolyutsiya : monografiya / Pod. red. R. A. Romashova. SPb.: Aleteiya, 2023. 482 s.
8. Kalinin A. Yu., Komarov S. A. Forma (istochnik) prava kak kategoriya v teorii gosudarstva i prava // Pravovedenie. 2000. № 6. C. 3–10.
9. Kashanina T. V. Evolyutsiya form prava // Lex Russica. 2011. № 1. S. 34–53.
10. Mal'tsev G. V. Pyat' lektsii o proiskhozhdenii i rannikh formakh prava i gosudarstva. M.: RAGS, 2000. 189 s.
11. Marchenko M. N. Istochniki prava. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. 760 s.
12. Morgan L. G. Liga khodenosauni, ili irokezov. M.: Nauka, 1983. 301 s.
13. Nizhnik N. S., Romashov R. A., Sal'nikov V. P. Istoki, istochniki, formy prava: nekotorye problemnye aspekty ponimaniya i sootnosheniya // Istoki i istochniki prava: ocherki / Pod red. R. A. Romashova, N. S. Nizhnik. SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2006. S. 9–17.
14. Pristenskii V. N. Tipologiya chelovechestva v kontekste antropologii prava: istoricheskaya retrospektiva i vozmozhnye perspektivnye (Sotsial'no-filosofskii analiz) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2007. T. 9. № 46. S. 169–177.
15. Rakhmatullin R. Yu. Geneticheskie istochniki musul'manskogo prava // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. 2011. № 4 (43). S. 43–47.
16. Sil'chenko N. V. Klassifikatsii istochnikov prava // Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoii sistemy obshchestva: sb. nauch. tr. / Otv. red. prof. V. N. Kartashov. Yaroslavl': YarGU, 2013. Vyp. 12. S. 49–59.
17. Spirin M. Yu. Materialisticheskaya yuridicheskaya doktrina o material'nom istoke i volevom istochnike prava // Teoriya gosudarstva i prava. 2019. № 4 (16). S. 166–172. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.020
18. Spirin M. Yu. Sootnoshenie istoka prava, istochnika prava i formy prava s pozitsii volevoi kontseptsii pravoobrazovaniya // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. 2018. № 1 (4). S. 23–28. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-23-28
19. Sukholinskii P. R. Na puti k pravu i gosudarstvu: stanovlenie politicheskikh i pravovykh yavlenii v dogosudarstvennyi period sotsial'nogo razvitiya. M.: MAKS Press, 2010. 264 s.
20. Syrykh V. M. Konflikt vedushchikh teorii prava v rossiiskom pravovedenii: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. 2022. № 5. S. 13–23. DOI: 10.20310/2658-5383-2022-5-13-23
21. Sheptalin A. A. Ob istokakh prava s pozitsii yuridicheskoi antropologii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. T. 26. № 3. S. 35–47. DOI: 10.12737/jrl.2022.027
22. Sheptalin A. A. O primenimosti etnologicheskikh materialov pri rekonstruktsii genezisa prava i gosudarstva // Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seri Ekonomika i pravo. 2016. Vyp. 2. S. 137–143.
23. Barton R. F. Ifugao Law. Berkeley, 1919. 186 p.
24. Diamond A. S. Primitive Law. 2nd ed. London, 1950. 451 p.

25. Hartland E. S. Primitive Law. London, 1924. 222 p.
26. Hoebel E. A. The Law of Primitive Man: A Study In Comparative Legal Dinamics. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 357 p.
27. Hogbin H. I. Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions. London: Christophers, 1934. 296 p.
28. Llewellyn K. N., Hoebel E. A. The Cheyenne Way: Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence. Norman: University of Oklahoma Press, 1941. 360 p.
29. Maine H. S. Ancient Law. 10th ed. London: John Murray, 1908. 415 p.
30. Malinowsky B. Crime and custom in savage society. London, 1926.
31. Pospisil L. Kapauku Papuans and Their Law. New Haven, 1958. 296 p.
32. Rattray R. S. Ashanti Law and Constitution. Oxford, 1929. 420 p.
33. Sarbah J. M. Fanti Customary Laws. London, 1904. 317 p.
34. Schapera I. A. Handbook of Tswana Law and Custom. Oxford University Press, 1938. 328 p.
35. Seagle W. Primitive Law and Professor Malinowski // American Anthropologist. 1937. Vol. 39. № 2. P. 275–290.
36. Seagle W. The Quest for Law. New York: A. A. Knopf, 1941. 439 p.

General trends in the development of American historiography in line with the pragmatic turn

Egorov Denis Ivanovich

PhD in History

Independent researcher

129128, Russia, Moscow region, Moscow, Bazhova str., 15.1, sq. 85

✉ denyegorov1981@yandex.ru

Abstract. The pragmatic turn and the philosophy of pragmatism in versions X. Putnam and R. Bernstein are presented in the form of general epistemological attitudes of the most promising areas of historical thought in the United States. Under their methodological influence, everyday practices and the historical experience of rationalization of activities were at the center of research interests. Ideas about the relationship between macro and micro levels of historical reality have changed, determinism has been abandoned, new forms of historical description have appeared. The author's goal is to reveal the content of these concepts, to determine their role in specific research areas, as well as to try to characterize the specifics of the American version of the pragmatic turn. In the first part of the article, the analysis of the most significant trends for the development of historical science in the USA related to the correction of ideological ideas and cognitive principles of the philosophy of pragmatism is carried out. In the second part of the article, the key theses, concepts, conceptual and terminological apparatus of the works of leading experts on transnational, social, environmental, and legal history are correlated with the theoretical provisions of the pragmatic turn in social and humanitarian knowledge. A multidimensional review of the development of modern American historiography is presented. The ways of resolving previous scientific contradictions and constructing new variants of national identity, ways of updating the methodological arsenal and updating historical knowledge are described.

Keywords: transnational history, legal history, environmental history, social history, actors,

constructivism, experience, practices, pragmatic turn, pragmatism

References (transliterated)

1. Gul'bin G. K. Filosofiya istorii amerikanskoi novoi sotsial'noi istorii i ee znanievye problemy // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. T. 307, № 1, 2004. S. 161-164.
2. Lubskii A.V. Pragmaticeskii poverot v istoricheskem poznanii // Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'. Otv. red. A.O. Chubar'yan. M.: 2014. C. 405-407.
3. Nesh R. Dikaya priroda i amerikanskii razum. Kiev. Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr. / Per. s angl. Kiev: Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr, 2001.
4. Patnem. Kh. Razum, istina i istoriya / Per. s angl. T.A. Dmitrieva, M.V. Lebedeva. M.: Praksis, 2002.
5. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XXXXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. – M.: Krug", 2011.
6. Savel'eva I. M. Novaya «sotsial'nost'» sotsial'noi istorii. M.: Izd. dom. Vysshei shkoly ekonomiki, 2015.
7. Ariens M. A History of Legal Specializations // South Carolina Law Review. 1994, Vol. 45. P. 1003-1061.
8. Berkhofer R. F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press. 1995.
9. Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge. Polity Press, 2010.
10. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses December // Critical Inquiry 35(2), 2009. R. 197-222.
11. Cohen R. Global Diasporas. L., N.Y.: Routledge. 2008. [Elektronnyi resurs]
URL:www.academia.edu/8762589/Global_diasporas_an_introduction_Revised_edition_2008 (data obrashcheniya 22.12.2022).
12. Eley G. Is all the world a text? From social history to the history of society two decades later // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L. Routledge. 2005. P. 33-61.
13. Ely J. Property rights in American history: From the colonial era to the present. New York; London: Garland, 1997.
14. Hughes J.D. An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life. L., N.Y.: Routledge. 2009.
15. Hughes J.D. Global Environmental History: The Long View // Globalizations. December 2005, vol. 2, № 3, P. 293-308.
16. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration: elements of the theory of structuration // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 119-140.
17. Gordon R. Lawyers, the Legal Profession & Access to Justice in the United States: A Brief History // Dædalus, the Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2019, № 148 (1). P. 177-189.
18. Jones G. S. The determinist fix: some obstacles to the further development of the linguistic approach to history in the 1990s // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 62-75.
19. Joyce A., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York: W. W. Norton,

- 1994.
20. Joyce P. What is the Social in Social History? // Past and Present, 2009. vol. 205. P. 175-210.
  21. Kloppenberg J. Pragmatism and the Practice of History: From Turner and Du Bois to Today // Metaphilosophy. Vol. 35, Nos. 1/2, 2004. P. 202-225.
  22. Macdonald S. Transnational history: a review of past and present scholarship. 2013. [Elektronnyi resurs] URL://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/sites/centre-transnational-history/files/simon_macdonald_tns_review.pdf (data obrashcheniya 08. 11. 2022).
  23. McNeill, J. R. Observations on the nature and culture of environmental history // History and Theory. 2003, № 42 (4). P. 5-43.
  24. Novick P. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
  25. Ormerod R. The history and ideas of pragmatism // Journal of the Operational Research Society. 2006, №. 57. P. 892-909.
  26. Scott J. The evidence of experience // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge, 2005. P. 213-223.
  27. Sellers M. The Doctrine of Precedent in the United States of America // The American Journal of Comparative Law, № 54, 2008. P. 1-23.
  28. Spiegel G. Introduction // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 1-31.
  29. Tyrrell Ian. Introduction: US History as Transnational History // Transnational Nation. 2007. L.: Bloomsbury Publishing. P. 1-10.

The role of black color in the history of Russian, French and Chinese mythology and folklore

Zheng Wenxuan

Postgraduate student, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninsky Gorod str., 1, p. 13

 tchzhen.vensyuan@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the symbolic meaning of black color in the culture and folklore of various civilizations, especially in the Russian, French and Chinese traditions. The research aims to identify the evolution of the perception of black color over time and its role in religious, mythological and socio-cultural contexts. The author examines the transformations of the symbolism of the black color, its connection with myths, rituals and ideas about the world in various cultures, as well as its significance as a reflection of social and cultural norms and values. The research is aimed at identifying common and unique features in the perception of black color, its role in religious and ritual practices. The methodology is based on the collection and analysis of cultural texts on the symbolism of the black color in Slavic and Chinese cultures. Comparative analysis and contextual research methods are used to identify the role and significance of black color in culture and society. The novelty of the research lies in the analysis of the symbolism of black color in Russian, French and Chinese cultures through the prism of mythology and folklore. In Russian mythology and folklore, black color is associated with dark forces, death and the afterlife. It is

dangerous, but it also has protective properties. In French mythology and folklore, black color is often associated with mystery, magic and riddles. It may symbolize death, but it also carries elegance and style. In Chinese mythology and folklore, black color is usually associated with death and ancestor worship. It can also symbolize power and authority. These results not only expand our understanding of mythological representations, but also highlight the importance of cultural context in interpreting color symbols.

Keywords: Linguistic picture of the world, Proverbs, Phraseologisms, Color designations, Chinese language, French language, Coloratives, Russian language, Comparative analysis, Black color

References (transliterated)

1. Gazilov, M. G. Komparativnoe issledovanie osobennosti vyrazheniya kontsepta "krasota" vo frazeologizmakh kitaiskogo, frantsuzskogo, nemetskogo i russkogo jazykov / M. G. Gazilov, I. A. Ivannikova, A. D. Pavlova // Servis plus. 2019. T. 13, № 4. S. 75-81.
2. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie o dushe v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2023. T. 12, № 5. S. 279-295.
3. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie ob istine v russkom, frantsuzskom i kitaiskom jazykakh i kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Litera. 2023. № 5. S. 249-267.
4. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie o radosti v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15, № 11. S. 3641-3647.
5. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie o sud'be v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Filosofskaya mysl'. 2022. № 10. S. 35-53.
6. Il'ina, Yu. P. Sravnitel'nyi analiz animalisticheskikh frazeologicheskikh edinits v angliiskom, ispanskom, kitaiskom, russkom i frantsuzskom jazykakh / Yu. P. Il'ina // Sovremennye voprosy filologii i perevodovedeniya: sbornik nauchnykh trudov, Cheboksary, 26 oktyabrya 2018 goda. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2018. S. 210-213.
7. Komina, E.V. Modeli tsvetooboznachenii v sovremenном angliiskom yazyke. Kalininskii gosudarstvennyi universitet, 1977. 79 s.
8. Malyi akademicheskii slovar' russkogo yazyka // Pod red. A.P. Evgen'evoi. M.: YaSK, 2016.
9. Orlov M. Srednevekovye predstavleniya o nechistoi sile, ili Iстoriya snoshenii cheloveka s d'yavolom. M.: Lomonosov", 2022. 203 s.
10. Pasturo M. Chernyi. Iстoriya tsveta // Per. s fr. N. Kulik. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 186 s.
11. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' // Pod red. A.Ya. Petrukhina. M.: Ellis Lak, 1995.
12. Trubach, O. K. Sravnitel'nyi analiz foneticheskikh sistem russkogo, frantsuzskogo i kitaiskogo jazykov / O. K. Trubach, D. I. Gorshkova, L. N. Sklyar // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14, № 1. S. 171-188.
13. Sharafieva, L. M. Ponimanie i interpretatsiya russkogo, kitaiskogo i frantsuzskogo

- yazykov v myslitel'nom protesse / L. M. Sharafieva, A. G. Mukhametshin // Russkii yazyk v sovremenном Kitae: materialy IKh Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chita, 24 noyabrya 2021 goda. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 49-51.
14. Aldhouse-Green M. Dictionary of Celtic Myth and Legend. London: Thames & Hudson. 1997. 450 p.
  15. Brault G.J. Heraldic Terminology in the XIIth and XIIIth Centuries, with Special Reference to Arthurian Literature. Oxford: Boydell & Brewer Ltd. 1997. 139 p.
  16. Devisse J., Mollat M. L'Image du noir dans l'art occidental. Des premières siècles chrétiens aux grandes découvertes. Fribourg: Office Du Livre, 1979. 234 p.
  17. Ginzburg C. Le Sabbat des sorcières. Paris: Gallimard, 1992. 386 p.
  18. Grisward J. Archéologie de l'épopée médiévale. Paris: Payot. 1981. 297 p.
  19. Houdard S. Les Sciences du Diable. Quatre discours sur la sorcellerie (XVe-XVIIe siècle). Paris: Gallimard, 1992. 347 p.
  20. Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe-XVIIe siècle). Paris: Flammarion, 2011. 295 p.
  21. Pastoureau M. Histoire d'un roi déchu. Paris: Seuil, 2007. 392 p.
  22. Pastoureau M. Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. Paris: Seuil, 2004. 249 p.
  23. Salvat M. Le traité des couleurs de Bathélémi l'Anglais (XIIIe siècle). Aix-en-Provence. 1988. 183 p.
  24. 新华字典/ 新华辞书社. 北京:商务印书馆 2021.
  25. 辞海 / 夏征农, 陈至立. 上海: 上海辞书出版社 2020

The study of the history of Tsaritsyn's defense in the framework of the publishing project "The History of the Civil War" in the 1930s.

Kleitman Aleksandr Leonidovich

Doctor of History

Leading Researcher, The Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

125315, Russia, Moscow region, Moscow, Baltiyskaya str., 14

✉ malk@bk.ru

Savka Olga Gennad'evna

PhD in History

Associate Professor; Department of Document Science, History of State and Law; RTU MREA

86 Vernadskogo ave., c2, Moscow, 119454, Russia

✉ olga-savka@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of studying the events of the defense of Tsaritsyn during the Civil War within the framework of the publishing project "IGV", implemented in the 1930s on the initiative and with the active participation of M. Gorky. Based on the documents of the editorial secretariat, which are currently stored in the Russian State Archive of Socio-Political History, it was established that a team of three authors was

responsible for writing the corresponding section of the multi-volume work: professional historians, students of M.N. Pokrovsky, G.E. Meerson and E.B. Genkina, and a direct participant in the events, one of the military leaders of the Red Army I.F. Tkachev's army. The work of each of the team members is characterized. It is shown what role participation in this project played in the biographies of the authors. The writing of the history of Tsaritsyn's defense is analyzed in the context of the political, cultural, and intellectual processes that determined the development of historical science during the establishment of the totalitarian system in the USSR. As the study showed, writing a work on the history of Tsaritsyn's defense in 1918, sustained in the spirit of the cult of personality, but possessing formal signs of scientific historical research, was an important task, the solution of which was followed by people who held senior party and government posts in the Soviet Union in the 1930s. Two of the three authors who did not show Due to their diligence in this work (G.E. Meerson and I.F. Tkachev), they were arrested and shot. For G.E. Meerson, the failure to write the defense of Tsaritsyn could have been a decisive factor that determined his fate. E.B. Genkina, having managed to successfully complete this work, became a recognized authority in the community of Soviet historians.

Keywords: Cult of personality, historiography, Joseph Stalin, History of the Civil War, Maksim Gorky, Civil War, defense of Tsaritsyn, Esfir Genkina, Grigory Meerson, Ivan Tkachev

References (transliterated)

1. Bystrova O.V. Izdatel'skii proekt M. Gor'kogo "Istoriya grazhdanskoi voiny": po materialam arkhiva A. M. Gor'kogo (IMLI RAN) i RGASPI // Studia litterarum. 2017. № 4. S. 378–393.
2. Voroshilov K.E. Stalin i Krasnaya armiya // Stalin: sbornik statei k pyatidesyatletiyu so dnya rozhdeniya. M.; L.: Gosizdat, 1929. S. 56–89.
3. Genkina E.B. Bor'ba za Tsaritsyn v 1918 godu. M.: Politizdat pri TsK VKP(b), 1940.
4. Genkina E.B. Geroicheskii Stalingrad. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (Gospolitizdat), 1943.
5. Dokumenty po istorii grazhdanskoi voiny v SSSR. T. 1. Pervyi etap grazhdanskoi voiny / Pod red. I. Mintsa, E. Gorodetskogo; sost. E. N. Burdzhalov, B. G. Verkhoven', E. B. Genkina i dr. M.: Politizdat, 1941.
6. Zak L. M. Podvizhnik istoricheskoi nauki. K 100-letiyu Esfiri Borisovny Genkinoi (1901–1978) // Otechestvennaya istoriya. 2001. № 1. S. 112–116.
7. Istoriya grazhdanskoi voiny. Plan izdaniya, utverzhdennyi Glavnoi redaktsiei. M.: Ob"edinenie gos. izd-v, 1932.
8. Meerson Grigorii Efimovich // Elektronnyi arkhiv fonda Ioffe. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://arch2.iofe.center/person/44966>.
9. Naida S.F., Naumov V.P. Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoi voiny i inostrannoi interventsii v SSSR. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1966.
10. RGASPI. F. 71. Op. 36. D. 92.
11. Solomonov V.A. Istorik – stradayushchii: P. G. Lyubomirov // Istorik i vlast': sovetskie istoriki stalinskoi epokhi. Saratov: Nauka, 2006. S. 271–275.

Pilgrimage as a Phenomenon and Features of Russian Pilgrimage Activities in Palestine in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries

Pashkovsky Petr Igorevich

Doctor of Politics

Professor; Department of Political Sciences and International Relations; V.I. Vernadsky Crimean Federal University

295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Akademika Vernadskogo ave., 4

✉ petr.pash@yandex.ru

Kryzhko Evgeniy Vladimirovich

PhD in History

Associate Professor at V.I. Vernadsky Crimean Federal University

295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Akademika Vernadskogo ave., 4

✉ jeyson1030@gmail.com

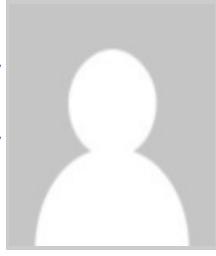
Bliznyakov Roman Aleksandrovich

PhD in History

Head of the Scientific Research Laboratory 'Sacred Landscapes of the Byzantine Frontier'; Sevastopol State University

33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia

✉ bliznyakov80@mail.ru

Abstract. The author considers the problem of the essence of the phenomenon of pilgrimage and its manifestations using the example of pilgrimage activities of the Russian Empire in Palestine in the second half of the 19th – early 20th centuries. The methodological basis of the research is the provisions of neorealism and the systems approach, the derivative of which was the use of historical-genetic, comparative and activity methods. It is shown that pilgrimage is defined as a journey to holy places and relics of sacred significance along a certain route for religious, health or other purposes. This activity includes four stages and is characterized by the presence of seven functions: spiritual-educational; educational; missionary; communication; uniting parishes; charitable; exchange of experience. The tradition of traveling to holy places has existed throughout human history. In the Christian era the inextricable connection of pilgrimage with religious experience became a special practice. It was revealed that the experience of Russian pilgrimage includes five stages. The third (Palestinian) stage is characterized by an increase in the Russian Empire's interest in the Middle East region. This necessitated the need to argue Russia's intentions regarding the territories of the Ottoman Empire, contributing to the strengthening of the Russian spiritual presence in Palestine and the intensification of the pilgrimage movement in this direction, which from the second half of the 19th century consistently supported at the state and church levels. As a result, the Russian Spiritual Mission was founded, land plots were acquired and developed in the Holy Land, and infrastructure was created. State and church structures accompanying this activity were founded. Then the Imperial Orthodox Palestine Society was created, which became the main organizer of the Russian spiritual presence, missionary and pilgrimage activities in the region during the period under review.

Keywords: Eastern Question, Middle Eastern region, Holy Land, Palestine, Russian Orthodox Church, Russian Empire, pilgrimage, Russian Spiritual Mission, IOPS, missionary activity

References (transliterated)

1. Zhil'tsov S. S. Politika Rossii v usloviyah global'noi neopredelennosti: vyzovy i

- vozmozhnosti // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2023. T. 10. № 1. S. 8–16.
 DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16>
2. Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I. Genezis i osobennosti anglosaksonskoi rusofobii: geopoliticheskoe izmerenie // Regionologiya. 2023. T. 31. № 1. S. 30–45.
  3. Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I., Chemodurov N. N., Charusov T. A. Britanskaya rusofobiya v pervoi polovine XIX veka: voennyi aspekt // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2019. T. 2. № 52. S. 568–575.
  4. Utkin A. I. Pervaya mirovaya voina. M.: Eksmo, 2002.
  5. Alekseeva N. V. Palomnichestva kak osobaya forma pochitaniya severorusskikh svyatyykh i svyatyn' v krest'yanskoi srede XIX v.: [v t. ch. v Vologodskoi gub.] // Kul'tura i slovesnost' Russkogo Severa: sb. nauch. st. Cherepovets, 2010. S. 9–15.
  6. Alekseeva N. V. Traditsiya palomnichestva na Evropeiskom Severe v XIX v. // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 4. S. 167–172.
  7. Anikeev E. S. Na puti vo Svyatyyu zemlyu: palomnicheskie poezdki russkikh studentov v kontse XIX – nachale XX vv. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/org/pal%20/7/>
  8. Baldin K. E. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya o russkom pravoslavnym palomnichestve kontsa XIX – nachala XX v. [Elektronnyi resurs] URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/4/opis/3/?ysclid=luie16994q335912153>
  9. Baldin K. E. Na puti v Svyatyyu zemlyu: Memuary russkikh palomnikov o puteshestvii iz Rossii v Palestinu (2Ilya polovina XIX – nachalo XX v.). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://azbyka.ru/palomnik/blogs/na-puti-v-svatuju-zemliu-memuary-russkih-palomnikov-o-puteshestvii-iz-rossii-v-palestinu/>
  10. Blinova L. N. Russkii palomnik XIX veka. [Elektronnyi resurs]. URL: http://jerusalem-ippo.org/sv_z/pal/rp_foto/?ysclid=luwp7a2lkp455378627
  11. Bobrov V. I., protoierei. Palomnichestvo kak istoricheskii i dukhovnyi fenomen // Bogoslovskii sbornik: periodicheskoe izdanie. Vyp. 14 / Gl. red. mitr. Novosibirskii i Berdskii Nikodim (Chibisov), zam. gl. red. prot. Boris Pivovarov, rektor Novosib. pravosl. dukhov. seminarii. Novosibirsk: Novosibirskaya pravoslavnaya dukhovnaya seminariya, 2020. S. 129–144.
  12. Bushueva S. V. Palomnichestvo i ego osobennosti v russkoi istorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 4. S. 127–131.
  13. Grushevoi A. G. Spetsificheskie cherty rossiiskogo palomnichestva v Palestinu na rubezhe XIX – XX vv. // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 2017. T. 36. S. 62–77.
  14. Dmitrievskii A. A. Sovremennoe russkoe palomnichestvo v Cv. Zemlyu. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ros-vos.net/palomnichestvo/org/pal%20/3/>
  15. Ershov B. A., Cherkasov D. R., Chirkov I. A. Pravoslavnoe palomnichestvo v XIX – nachale XX vekov i vliyanie gosudarstvennogo apparata na pravoslavnoe palomnichestvo // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. T. 2. S. 58–60.
  16. Zhitenev S. Yu. Pravoslavnoe palomnichestvo // Russkaya istoriya. 2011. № 3 (17). S. 14–19.
  17. Zhitenev S. Yu. Religioznoe palomnichestvo v khristianstve, buddizme i musul'manstve: sotsiokul'turnye, kommunikatsionnye i tsivilizatsionnye aspekty. M.: Indrik, 2012.

18. Zhitenev S. Yu. Tsivilizatsionnoe prisutstvie Rossii v mire: k 135-letiyu nachala deyatel'nosti Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Rossiiskoi imperii i na Blizhnem Vostoke // Zhurnal instituta naslediya. 2017. № 2 (9). S. 1–24.
19. Igumen Pakhomii (Bruskov). O palomnichestve. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravoslavie.ru/43341.html?ysclid=lv51vdyjeo463393053>
20. Istoryya pravoslavnogo palomnichestva. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://foma.ru/istoriya-pravoslavnogo-palomnichestva.html?ysclid=luehxlgp9o4188530>
21. Katunin Yu. A. Monastyri Kryma v XIX–XX vekakh (po materialam krymskikh arkhivov). Simferopol': Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 2000.
22. Kovalev-Sluchevskii K. Palomnichestvo v Rossii: puti i traditsii. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravoslavie.ru/114816.html?ysclid=luwp6w2x9k946343335>
23. Kondakov Yu. E. Bor'ba za nравственост' rossiiskikh palomnikov vo vtoroi polovine XIX v. // Istoryya povsednevnosti. 2023. № 2. S. 22–36. DOI: 10.35231/25422375_2023_2_22
24. Kochelyaeva N. A. Palomnichestvo v kontekste russkoi kul'tury XII – XVII vv. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. № 6. S. 34–42.
25. Kunitsyn K. Palomnichestva russkikh lyudei v Svyatyyu Zemlyu s drevnih vremen do XIX veka. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://spbda.ru/publications/kirill-kunicyn-palomnichestva-russkikh-lyudey-v-svyatyyu-zemlyu-s-drevnih-vremen-do-xix-veka/>
26. Lisovoi N. N. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo: XIX–XX–XXI veka // Rossiiskaya istoriya. 2007. №. 1. S. 3–22.
27. Nosova E.V. K istorii pravoslavnogo palomnichestva // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta. 2014. T. 14. №. 6. S. 40–44.
28. Palamarenko E. V. O formirovaniii kontseptsii pravoslavnogo palomnichestva v Svyatyyu Zemlyu // Kazachestvo. 2016. № 24. S. 92–97.
29. Platonov P. V. Rol' IPPO v organizatsii byta i nuzhd russkikh poklonnikov v kontse XIX – nachale XX vekov. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ricolor.org/russia/ippo/palomnichestvo/1/>
30. Ponomarev E. R. Travelog vs. putevoi ocherk: postkolonializm rossiiskogo izvoda. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/6/travelog-vs-putevoj-ocherk-postkolonializm-rossijskogo-izvoda.html>
31. Sokolov M. A. Palomnichestvo kak fenomen russkoi kul'tury. Gnoseologicheskii aspekt. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pandia.ru/text/86/006/69734.php>
32. Taneeva E. Sh., Volzhina S. K. Rol' palomnicheskikh poezdok v organizatsii pravoslavnogo otdykhha // Servis v Rossii i za rubezhom. 2013. №. 9 (47). S. 191–198.
33. Severn P. A History of Christian Pilgrimage // International Journal for the Study of the Christian Church. 2019. S. 1–17.
34. Slovar' istoricheskikh i obshchestvenno-politicheskikh terminov / Avtor-sost. V. I. Vasil'ev. – M.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005.
35. Afinogenova O. N. Palomnichestvo // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. [Elektronnyi resurs]. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2705347?ysclid=lv51pzmcxa441979869
36. Nazarenko A. V., Gumin'skii V. M. Palomnichestvo // Pravoslavaya Entsiklopediya / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578754.html?ysclid=lv51wbaauq902139604>
37. Ot tsarstva k imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnoshenii. Vtoraya polovina XVI – nachala XX veka / [M. Yu. Anisimov, A. V. Vinogradov, G. A.

- Grebenshchikova, A. V. Ignat'ev, E. I. Kobzareva, E. P. Kudryavtseva, I. S. Rybachenok, G. A. Sanin, V. M. Khevrolina]. M.; SPb.: Institut rossiiskoi istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initiativ, 2015.
38. Lisovoi N. N. Russkoe dukhovnoe prisutstvie v Svyatoi Zemle v XIX – nachale XX v. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ros-vos.net/history/ippo/kon/5/?ysclid=lvifaijo54155687292>
39. Nikiforova O. Palomnichestvo vo Svyatuyu zemlyu v XIX – nachale XX veka. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.miass-hram.ru/index.php/stranitsy-istorii-i-kultury/2282-palomnichestvo-vo-svyatuyu-zemlyu?ysclid=lvif6kak4f70764179>